

Алексей Федотов

Корел

сказ о том, как донские казаки
в Москву ходили

Алексей Федотов

**Корел. Сказ о том, как донские
казаки в Москву ходили**

«Издательские решения»

Федотов А. В.

Корел. Сказ о том, как донские казаки в Москву ходили /
А. В. Федотов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-838115-7

Книга предназначена для широкого круга читателей. В ней отражен почти полностью период становления вольного казачьего воинства 17 века на Дону. Автор пытается раскрыть историческую значимость одного из первых атаманов Донского казачества Андрея Корелы.

ISBN 978-5-44-838115-7

© Федотов А. В.
© Издательские решения

Содержание

1. Андрей Тихонович Корел или сказ о том, как Донские Казаки в Москву ходили	6
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Корел

Сказ о том, как донские казаки в Москву ходили

Алексей Федотов

© Алексей Федотов, 2017

ISBN 978-5-4483-8115-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Андрей Тихонович Корел или сказ о том, как Донские Казаки в Москву ходили

Изучая историю нашего края и времена Смутного времени в моё поле зрения попался интересный человек, атаман Корела и захотелось больше узнать про него. У моей жены Ольги Васильевны Федотовой в девичестве Паниотовой, была мать Анна Яковлевна Паниотова в девичестве Корелова. У неё есть двоюродный брат Вячеслав Корелов. На кладбище села Синявское Ростовской области на погосте похоронены и до сих пор существуют могилы в которых покоятся Яков Владимирович Корел и его сыновья Михаил Яковлевич, Иван Яковлевич и Валентин Яковлевич Корелы. По рассказам Анны Яковлевны Кореловой я понял, что Корелы живут в Ростовской области всю жизнь и из этих мест надолго не выезжали. Она так же говорила, что её дед Владимир Корел жил одно время в Херсонской губернии. Корелы всегда были казаками. хотя в последнее время не состояли на военной службе и не носили форму. Вот эти семейные обстоятельства, любопытство, да и вся генеалогия заставили меня более глубоко окунуться в исторические материалы, слава Богу теперь доступ к ним более свободен, чем раньше во времена прошедшие. Мы все знаем, что казаки всегда были народ беспокойный, среди них были великие и знатные люди, но были беглые крестьяне, бандиты, изверги, развратные люди, которые собирались на свободном Дону и составили этот пассионарный народ.

У одного из самых первых русских историков казачества и первоисточника инженера, генерал-майора и кавалера Александра Ригельмана в его книге *«История или повествование о Донских казаках, отколь и когда они начало своё имеют»* написанная в 1778 году я нашёл упоминание об атамане Кореле, что Донские Казаки против действий гонителя и сатрапа Русского Царя Бориса Годунова в 1603 году собирали Войсковой круг:

Царскому, но ненавидя Годунова, взбунтовавшись противу гонителя своего, собрали войсковой круг и во ономъ условились единодушно предаться Дмитрію Царевичу, хотя они его самолично не знали, и не изслѣдовавъ, подлинно ли тотъ, какъ онъ себя именуетъ, послали отъ себя къ нему пословъ, въ коемъ числѣ былъ и самъ Войсковой Атаманъ ихъ, именемъ Корела. И когда сіи послы

Цитата из книги А. Ригельмана.

Тут необходимо вернуться в те года и посмотреть обстановку того времени. Самое начало 17 в. для Русского государства было тяжелым временем: везде обострились противоречия между царем Борисом Годуновым, венчавшимся на царство после смерти Феодора в 1598 года, и высшей знатью боярами и дворянами. Очень напряженным было положение и в народной среде, в том числе и на Дону.

Постоянно поолняемые беглыми крестьянами территории этой реки, способствовало скапливанию казаков, эти пассионарии таили в себе силу, готовую взорваться при каж-

дой новой попытке правительства стеснить казачью вольницу. Обострившиеся социальные процессы усугубились природными бедствиями. Затянувшиеся дожди холодного лета 1601 г. помешали созреванию хлебов. Крестьяне использовали незрелые «зяблые» семена, чтобы засеять озимь. В результате хлеб на полях дал очень плохие всходы, которые погибли от морозов в зиму 1602 г. В следующем году крестьянам стало ещё тяжелее, чем было засеивать поля. В Россию и на Дон пришел страшный голод.

На Донских просторах в народе возникло убеждение, что царствование Бориса Годунова не благословлено Богом, если с приходом его к власти страну постигло такое несчастье. Беглые люди, крестьяне в поисках пищи собирались в шайки; в разных уголках России появились разбойничьи группы. Царь Борис посылал дворянские и стрелецкие отряды против «разбоев» в различные города вокруг Москвы и другие уезды.

Около столицы особенно активизировался атаман Хлопко. Вся страна была наполнена слухами: о Борисе говорили, что он «уморил» царя Феодора Иоанновича, отравил царицу Ирину, хотя она была его сестрой, загубил их ребенка и свою племянницу Феодосию, до этого организовал убийство царевича Димитрия, сжег Москву, чтобы отвлечь внимание царя и столичного общества от угличского злодеяния, обманом и интригами венчался на царство. Вполне понятно, что в сложившейся ситуации известие о существовании самозванца, выдававшего себя за царевича Димитрия, упало на почву не самую благоприятную. Однако подоплека мрачного периода самозванщины скрывалась значительно глубже и созревала не внутри России, а за ее пределами.

Но вернёмся к атаману Кореле. У современника описывающего время Лжедмитрия голландского торговца, находившегося в Московском государстве в 1601—1609 гг. **Исака Массы** находим что: «*предводителем этих казаков был Корела... родом из Курляндии*».

Знаменитый русский историк **Николай Иванович Костомаров** твердит голландцу: «*родом он (Корела), говорят, был из Курляндии, или, из Корелы, поступил в казачество, как поступали туда бродяги из разных краев русского мира, и на Дону уже прославился своею храбростью и смелостью*».

Историк **А. Станиславский** в своей книге «Смута и казаки» пишет: «*В 1603 г. г. Лжедмитрий I обратился за помощью к донским казакам, обещая им „волю“.* Донцы тотчас же послали воскресшему царевичу атаманов **Андрея Корелу** (приезжавшего в свое время с вестями и грамотой с Дона еще к Федору Ивановичу) и **Михаила Межакова**». Про посольство Андрея Корелы к царю Фёдору Ивановичу рассмотрим позже, а вот что Михаил Межаков был сотоварищем это для меня была большая новость.

Другой донской историк **Михаил Астапенко** в своём труде «Донские казачьи атаманы: исторические очерки-биографии» сообщает: «*С начала XVII века на Дону атаманствовал Андрей Тихонович КОРЕЛА, которого один из ведущих историков Смуты Руслан Григорьевич Скрынников назвал «выдающимся предводителем повстанцев*». Вот и я, находя сведения и ссылки у различных историков и в интернет источниках, что Андрей (по-старому Ондрей) был из Корелы. Сам **городок Корела** был заложен новгородцами ещё 13 веке у Ладожского озера на торговом пути в Финляндию для обороны от шведов. По преданию в этом городе умер первый русский князь Рюрик. Ныне это старое поселение есть город Приозёрск Ленинградской области.

Про эту крепость можно подробнее прочитать на сайте Древние крепости Северо-Запада России вот ссылка: <http://nwfortress.ifmo.ru/kreposti/krepost-korela/istoriya-kreposti>, кто из читателей желает может посмотреть.

Одним из первых знаменитых узников в этой крепости был **Иоанн VII Антонович**. он содержался в крепости в июле-августе 1762 г.

Крепость Кексгольм в городе Приозёрск. Современное фото.

Про других политические узников я тоже раньше не знал, а теперь раскрывая эту тему, как и читатели знаю: это были **Софья Дмитриевна Пугачева** и трое ее дети, а также вторая жена Пугачева-яицкая казачка **Устинья Петровна** (урожденная Кузнецова) хоть и были оправданы судом, но он и назначил им иной пункт поселения: определил поселить в городе Кексгольме (Корела). Пугачевы были доставлены туда 23 января 1775 и заключены в казематы старинной крепости без права выхода из нее. Там на положении тюремных невольников они прожили около тридцати лет.

В апреле 1828 г. в Кексгольмской крепости содержались 9 декабристов: А. П. Барятинский, И. И. Горбачевский, М. М. Спиридов, Ф. Ф. Вадковский, В. К. Кюхельбекер, А. В. Поджио, П. Ф. Громнитский, И. В. Киреев, М. Ф. Митьков.

10 рублевая юбилейная монета 2008 года.

Город Приозёрск и крепость Корела, по-шведски Кексгольм, был изображен на 10 рублевой монете России. На ней видим старую башню крепости, главы церкви, соборы и старые каменные здания.

После нахождения многих материалов я теперь знаю, и хочу поделиться с читателем, что **отцом Андрея** (Ондря) был **крестьянин** по имени **Тихон** из **Корельского городка, Новгородской земли, Вотской пятины, Воскресенско-Городенского погоста**. Сначала городок получил имя от церкви, находившейся в этой крепости. Позже в этом городе будут построены ещё три православных храма.

История земли повернулась так, что этот город получил название Кексгольм и 15 лет находился под властью шведов с 1580 по 1595 год.

Кексгольм. Фрагмент Шведской карты 17 века.

Крестьянин Тихон и его сын Ондрей новгородцы из городка Корелы вот что мы знаем на данное время и поздние историки говорят так же, нам же ничего не остаётся как принять это за истину. Понятно, что Корела это не фамилия а прозвище, которыми наделялись большинство вольных казаков того времени.

По историческим справкам видим, что во второй половине 15 в. **Корела** был самым крупным городом земли после Новгорода, отстоял от него на 300 вёрст. Хотя население Корелы было смешанным, карельским и русским, в целом уже в новгородский период город с его типично русскими крепостными стенами и башней, с его соборами, монастырями, хоромами наместника и избами рядового населения приобрел совершенно русский облик, типичный для городов Новгородской земли.

Русские власти все это время держали в боевой готовности укрепления города. Для усиления Корельской крепости новгородское правительство провело здесь в 1364 г. новые крупные работы. Летопись сообщает, что в этом году «в Корельском городке посадник Яков поставил костер камен», т.е. каменную башню, включив ее в систему уже существовавших здесь земляных и деревянных укреплений. К башне с обеих сторон примыкала крепостная стена, но она во все время своего существования оставалась деревянной.

Историк К. А. Неволин в своей книге «О пятинах и погостах Новгородских в 16 веке» пишет: «*Великий князь и царь Иван Васильевич в 1504 году своём духовном завещании сыну благословил своей отчиною Великим Княжением Новгородским и даёт ему Великий Новгород со всеми пятью пятинами, волостями и погостами*».

волостями и съ погосты и со всеми пошлинами; да Корѣльскую
землю всю, Корѣльской городъ съ волостями и съ погосты и со
всеми пошлинами, со всемъ съ тѣмъ, что хъ Корѣльской землѣ
потягло, и съ Лопью съ лѣшею и съ дикою Лопью. Да сыну

Цитата из книги К.А.Неволина «О пятинах и погостах Новгородских в 16 веке».

Эти времена мы недавно видели в новом фильме «София» режиссера Андрея Андрианова и Евгения Цыганова в роли Царя Ивана Васильевича, который собрал русские земли в единое государство.

Позже в 1578 году его внук Царь Иван Грозный оставляет эти же земли своему сыну Феодору Ивановичу «*Корельскую землю и город Корелу*», городок превращается в настоящий укрепленный город. Корельский уезд состоял уже из 7 погостов (семи церквей и деревень и семи кладбищ при них).

Л. 196: «Погость Дмитревской Городеиной. А на погостъ церковь Дмитрей Велики Селунски. Да на погостъ же церковь Покровъ Пречистые, монастырскъ. Да на погостъ Дмитревскихъ дв. попь Иванъ, дв. диаконъ Федоръ, дв. сторожъ Ермолка; а хрестіанъ дв. Родивонко, дв. Юрка строй, дв. Федко Степановъ, всѣ не

Цитата из К.А.Неволина.

Именно из этой цитаты видим, что построена церковь Дмитрия Солунского и существует монастырь и деревни в округе, там же прозвища крестьян, один из них был дворовый крестьянин по имени Тихон, который являлся отцом нашего Андрея Корелы.

нашуть. А Покровскихъ дв. попь Игнатей, дв. дякъ церковной Федко, дв. дякъ же Юшко, дв. сторожъ Захарко, дв. сторожъ Исачко. А пашни у нихъ церковные на десять коробей на ржаную, а сѣна двадцать копей, а въ обжа не положены.»

Л. 196—202 об.: «Въ Городеиномъ же погостѣ Великого Князя села и деревни оброчные новосведенныхъ.» М. пр. значатся дерр. Берестано, Замоще, Горка надъ озеромъ надъ Кяломъ, Пшево, Мошонка, Пастыца, Щипы, Любѣховичи, Блохино, Будковцо, Замоще-Лопухово, Гусинецъ, Бочкино, Сырецъ, Раковна Большая, Коломничя, Пѣвасецъ, Коростыни.

Цитата из книги К.А.Неволина «О пятинах и погостах Новгородских в 16 веке».

Уже в конце 16 столетия все русские земли объединились в составе огромного Русского централизованного государства под главенством Москвы. Вместе с Новгородом и его обширными владениями в состав Русского государства вошел и **город Корела** с окружающей его территорией – Карельской землей. Город Корела, стоявшая ближе всех русских городов к шведской границе, первая стала жертвой вражеского нападения.

Андрею сына Тихона, рожденного по некоторым сведениям в **1550 году**, летом 1573 г., когда шведский отряд под командованием **Германа Флеминга** подступил к Кореле было всего 23 года. Шведы не рискнули сразу нападать на прочные городские укрепления и ограничились разорением и поджогом незащищенных частей города и окрестностей. Солдаты Флеминга сожгли городские посады на обоих берегах реки, стоявший в устье Вуоксы, монастырь Иоанна Предтечи и продовольственный склад. Вернувшись из похода на Корелу, Г. Флеминг сказал, что здания этого города «*являются самыми прекрасными из всего, что ему приходилось когда-либо видеть*».

Жили русские люди у реки, но через пять лет шведский отряд вновь напал на город Корелу. Опять запылали едва успевшие отстроиться городские посады. Было на этот раз совершенно нападение и на городские укрепления. Шведские солдаты трижды пытались поджечь деревянные стены Корелы, но проливной дождь помог защитникам города погасить пожар и отбить нападение.

Шведский главнокомандующий **Понтус Делагарди** в конце **октября 1580 г.** двинулся из Выборга **на Корелу** и 26 октября с 7000 войском и артиллерией подступил к городу. Застигнутые врасплох посадские люди бросили свои дома и скрылись за стенами городских укреплений. Шведские солдаты стали взламывать двери складов и домов, и грабить

накопленные там товары и имущество. На обоих берегах Вуоксы шведы построили осадные сооружения, установили пушки, лодки с шведскими солдатами блокировали обе городские крепости, отрезав их от внешнего мира.

4 ноября 1580 г. приготовления к осаде были закончены и вражеские орудия начали обстрел городских укреплений. Шведское командование воспользовалось тем, что стены детинца и Спасского острова были сооружены из бревен. Понтус Делагарди приказал своим артиллеристам вести стрельбу раскаленными железными ядрами. Сначала загорелись находившиеся на Спасском острове склады с зерном и солью; затем вспыхнула одна из деревянных стен, пожар перекинулся на другие укрепления, потом запылала и жилые дома внутри детинца и Спасского острова. Постепенно огонь охватил весь город.

Андрей в составе немногочисленного гарнизона отстреливались из пушек и ружей, пытался с товарищами тушить вновь и вновь возникающие пожары, заливая горящие стены водой, забрасывая их землей и песком, но одолеть огонь было сложно. В это время **Андрей Корела** получил сильный ожёг лица, почти все волосы на его голове сгорели. Пока была возможность сопротивляться, воевода Квашнин не хотел и думать о капитуляции и настаивал на продолжении борьбы.

Но наступило время, когда весь город был уже объят пламенем, и его защитникам ничего больше не оставалось, как сложить оружие или погибнуть в огне. Только в этот критический момент воевода согласился начать переговоры и послал двух воинов в шведский лагерь. В результате переговоров город был сдан шведам, а оставшимся в живых защитникам Корелы и ее жителям было предоставлено право уйти в русские владения.

Рисунок крепости Кексгольм 18 век. Неизвестный художник.

Шведское войско захватив город, стало насильственно подчинять себе окрестное карельское население. Однако местные крестьяне не захотели покориться чужеземной власти и начали против захватчиков партизанскую войну. Русское военное командование не примирилось с утратой Корелы и трижды делало попытки освободить город. В первый раз такая операция была предпринята в июне 1581 г., в ней участвовало около полутора тысяч русских воинов; во втором нападении, состоявшемся в августе того же года, до 3 тысяч. Однако шведы уже успели восстановить городские укрепления, и оба приступа, производившиеся без помощи артиллерии, не увенчались успехом.

Уже поздней осенью того же **1581 г.** русские войска и тот же **воевода Квашнин и стрелки пицальники** среди которых был **Андрей** появились под стенами **Корелы** в третий раз. Новгородцы в то время создавали отряды пицальников, по приказанию с верха, они экипировали одного стрелка в среднем с 3—5 дворов. Сообща крестьяне одевали его

в сермягу, приобретали пищаль, порох, свинец и обеспечивали на определенный срок продовольствием.

Пищальник. Художник А. Васильев.

В темную и бурную ноябрьскую ночь, когда из-за скверной погоды никто не мог ожидать нападения с Ладожского озера, отряд молодых парней во главе с Андреем на лодках из озера пробрался в устье Вуоксы и подступил к городу.

Никем не замеченные эти храбрые воины подошли на лодках к городским укреплениям и, подобравшись к недавно восстановленным шведами деревянным стенам детинца, подожгли их березовыми сучьями в нескольких местах. После больших усилий в кромешной тьме ярко запылали стены и башни крепости. Часть шведской крепостной стражи во время этого нападения была перебита, остальные захвачены в плен. Ринувшись затем к Спаскому острову, русские парни подожгли стоявшие у его берега шведские суда. Застигнутые врасплох и перепуганные шведские моряки, отстреливаясь, вынужденно бросились гасить корабли. Во время штурма и попытки abordажа кораблей, уже зрелый молодой и сильный Андрей Корела (ему 31 год) получил серьезное ранения лица от шведской сабли, глаз остался цел, а вот шрам на всё лицо получил на всю жизнь. В городе шведы с огромным трудом сумели спасти от огня отдельные участки крепостных стен, но две деревянные башни и большая часть стен детинца сгорели дотла. В огне погибли также жилые постройки, казармы и городские склады с многочисленными запасами продовольствия, но город остался за ними.

Общая стратегическая обстановка складывалась в то время не в пользу России и не позволяла думать о крупных наступательных операциях против шведов. Затянувшаяся на 25 лет **Ливонская война** привела к значительному ослаблению страны и закончилась невыгодным миром.

Русскому правительству по условиям заключенного **в августе 1583** года на реке Плюссе мирного соглашения пришлось оставить Швеции захваченные ею русские владения, в том числе города Ивангород, Ям, Копорье, Корелу с уездами. Россия по договору сохранила только устье Невы.

Корела и Корельский уезд оставались под шведской властью в течение 17 лет, с 1580 по 1597 г. В 1590 г. Россия, восстановив силы после тяжелой многолетней Ливонской войны, вновь выступила против Швеции. Война окончилась успешно для России,

и по Тявзинскому мирному договору (заключенному 18 мая 1595 в Тявзине, северо-западнее Новгорода) шведам пришлось возвратить все захваченные в Ливонской войне русские владения (Ивангород, Копорье, Ниеншанц, Орешек, Ям и Корелу).

1 ноября 1598 г. для обеспечения скорейшего восстановления города **царь Борис Годунов** издал специальный документ-«*жалованную грамоту*» жителям Корелы. В этой грамоте царь распорядился, возвращающимся на родные пепелища горожанам и крестьянам оказывать помощь. Вернувшимся в Корелу русским горожанам были бесплатно переданы в собственность дома, построенные шведами; жители Корелы получили право торговать без уплаты торговых пошлин в своем городе, а также в Новгороде, Пскове, Ивангороде и Москве, и право провозить товары без уплаты судовых пошлин по реке Волхову. Население Корелы и крестьяне Карельского уезда на 10 лет освобождались от платежа в государственную казну всех податей и оброков «с их дворов и с лавок, и со всяких угодей».

Но к этому времени Андрея уже давно не было в Кореле после захвата города шведами **весной 1582 года** он ушёл, можно сказать **бежал на Дон** в городок **Раздоры**. Конечно Андрей слышал про вольных людей на Дону и казака по имени Ермак из Качалинского городка. Во время войны Карела встречался с Донскими Казаками и **атаманом Михаилом Черкашениным** убитым под Псковом в 1581 году, эти казаки были в то время в войске боярина Шеина как союзники Царя Ивана Грозного.

Ранее ещё в **1570** году Иван Васильевич в своей грамоте на Донец Северной просил Мишу Черкашенина с атаманами и казаками проводить из Рыльска под Азов своего посланника **Ивана Петровича Новосильцева**.

У историка и политолога Сергея Маркедонова находим упоминание про одного из первых атаманов донских «*черкаса*» Михаила Черкашенина:

«Он воевал с азовцами и даже делал набеги на турецкую крепость Азак. Гибель атамана Черкашенина послужила „устным материалом“ для донского казачьего эпоса. Старая казачья песня, прославившая погибшего донского атамана, стала, по словам филолога Олега Николаева, „одной из первых мифологем в духовной истории казачества“. Впервые он появляется на исторической сцене в 1548 году в Диком поле, когда во главе отряда путивльских служилых казаков (севрюков) вместе с мелким помещиком Истомой Извольским поставил на „*Великом Перевозе*“ (Волго-Донской Переволоке) „*острогу*“. По словам историка Н. А. Мининкова, „*эта острога у Переволоки – первое известное нам поселение казаков на Дону*“, которое давало донцам возможность мешать крымским татарам свободно взаимодействовать с поволжскими ханствами. В том же 1548 году крымский хан Сахиб-Гирей решил уничтожить „*острогу*“, отправив против нее отряд во главе с Елбузуком. Но татарскую рать ожидала неудача, казаки одержали победу над ним».

Донской эпос про атамана был в собранных текстах 18 века уральцем **Киршеем Даниловым**. Он является составителем первого сборника русских былин, исторических песен и духовных стихов. В той старинной былине говорится про польского атамана, привезённого «*казачьей вольницей*» из далека мертвым. Современные филологи и историки утверждают, что «*польскими или полскими*» в старые времена часто называли воинов «*казаковавших в поле*». Вот точные слова из неё:

За Зарайскомъ городомъ, за Рязанью за старою,
Изъ далеча чиста поля, изъ раздолья широкаго,
Какъ бы гн#даго тура привезли убитаго,
Привезли убитаго атамана польскаго,
Атамана польскаго, а по имени Михаила Черкашенина.
А птицы ластицы кругъ гн#зда убиваются,
Еще плачуть малы его д#ти надъ б#лымъ т#ломъ;
Съ високаго терема зазр#ла молодая жена,

А плачеть, убивается надъ его б#лымъ т#ломъ.
Скрозь слезы свои она едва слово промолвила,
Жалобно причитаючи ко его б#лу т#лу:
*«Казачья вольная поздорову при#хали,
Тебя, св#та моего, привезли убитаго,
Привезли убитаго атамана польскаго,
А по имену Михаила Черкашенина!».*

Про храбрость Донского Казака складывались легенды. Считалось, что он заговорен от пуль, и даже Никоновский летописец записал, что он заговаривает вражеские ядра. О смерти атамана в Патриаршей летописи написано: *«Да тут же убили Мишку Черкашенина, а угадал себе сам, что ему быти убиту, а Псков будет цел. И то он сказал воеводам».*

Помня о казачьих рассказах и об атамане Андрей, которому в те времена уже больше тридцати лет, у него нет семьи и ничего не сдерживало на Родине, его дом сожгли, отец погиб, сражаясь в партизанах, мать и сестру убили шведы. Он решается идти к казакам на вольный Дон.

После рассказов о первом атамане, настало время немного поговорить о внешности Ондreja Корелы. Он был не очень высок, но коренаст и жилист, по характеру настырен и смел. С молодости благодаря *«играм в войну»* у него хватало силы в руках махать по пол дня тяжёлым мечом. Корела был не совсем красив лицом, таким он стал после битв со шведами, сильный ожог оставил на лице коллоидные швы и глубокий шрам вкось пересекал лицо. Побегу с Ладожского озера **Андрея сына Тихона** по прозвищу **Корел**, способствовал указ Царя Ивана Васильевича Мучителя, который запретил в 1581 году выход крестьян введя *«заповедные лета»* и объявив *«писцовые книги»* юридическими основаниями крестьянской крепости.

Царь и Великий Князь **Иван Васильевич 1582** году снял опалу с Казаков из-за удачных действий Ермака объявил им вечную благодарность России, за **завоевание Сибири**, назвал казачьего посла **Ивана Кольцо** их *«добрым витязем»*, пожаловал Ермаку две брони, серебряный кубок и шубу с плеча своего; всем другим Атаманам и Казакам отправил богатые дары сукнами, камками и деньгами.

Андрей Тихонович Корела прибыл на Дон **весной 1582 года** и поселился в **Раздорах Донецких** на острове против устья реки Северского Донца. Он купил себе жену у одного казака, которую тот привёл в виде приза. В те времена разрешалось иметь много женщин.

Бывало некоторые казаки, приведя себе красивых черкешенок или турчанок старую продавали. Водя по улицам станицы женщину кричали: *«Кому любя, кому надобна! Она мне гожа была, работяца и домовита. Бери кому надобна».* Этим женщинам жилось тяжело, за любую провинность она могла быть наказана плёткой, а за измену казаку ей связывали руки и ноги, в рубашку насыпали песку, камней и топили в реке.

Мы знаем, что многие бежавшие крестьяне не имели ни фамилий, ни прозвищ, то тут на Дону образовалось особое русское творчество. В церковных книгах встречаются казаки: Максим Ебодёнок, Федор Пердун, Ивана Дристунов, Григория Сранкин, Никита Бздилин, Семён Бздунков, Василь Дураков, Иван Мудаков, Антон Жопин, а также уже семейства Мохнажоповых, Худосраковых, Вислогузовых, Вислозадовых, Сиськиных, Сукиных, Шалавиных и так далее. Если сейчас встречаете такую странную фамилию, знайте, что она произошла из первых донских казаков. Существовало немало и «неприличных» казачьих топонимов. Даже после очень долгого процесса «облагораживания» топонимии, на картах Донского бассейна до войны ещё встречались Бздилова речка, Говённая, Средняя Говённая и Сучкина балки, Говённый ерик, Говённый и Срулёв овраги, Сучий лог, не говоря уже

о речке Вонючке, Вшивом и Хреновом озёрах, Поганой и Сопливой балках, Собачьем яре и тому подобное.

Но вернёмся к нашему герою **Андрею Кореле** ему **32 года**, казак в полном расцвете сил, побывал в боях, грамотен. знает немного польский, латынь, понимает и как-то умеет говорить на шведском языке. Он своим умом, настойчивостью, храбростью и смелостью завоевал авторитет у казаков, продвинувшись от десятника до станичного атамана.

Немного напомним читателю как говорят сегодня про политическую обстановку в государстве Российском. Царь **Иван Васильевич** (Иван 4), великий князь и царь московитов, женился в седьмой раз, взяв жену из рода **Нагих**, по имени **Марфа**; от этой жены родился у него сын по имени **Димитрий**, и это была его последняя законная жена и ребенок, и детей он больше не имел, хотя было у него много наложниц. И оставил ли он незаконных детей, неизвестно, всего вероятнее, что не оставил, ибо, поспав с какой-нибудь девушкой – а он ежедневно приказывал приводить девиц из разных мест и его приказание исполняли, – он тотчас передавал ее своим опричникам и сводникам, которые портили ее дальше, так что у нее дети уже не могли родиться. После того как в 1581 году Иван Грозный умертвил или потерял своего сына Ивана, он стал предаваться жестокостям еще больше, чем прежде, и его тирания была ужасна.

Говорили, что царь вознамерился опустошить всю страну и истребить свой народ, так как знал, что ему осталось недолго жить, и полагал, что все будут радоваться его смерти, хотя ни на ком не мог этого заметить; однако он умер ранее, чем предполагал; день ото дня становясь все слабее и слабее, он впал в тяжкую болезнь.

Людская молва до казаков доносила, что «*московскому государю жить недолго*» последние шесть лет жизни у него развились остеофиты, причём до такой степени, что он уже не мог ходить – его носили на носилках. Это сейчас мы знаем, что, в феврале и начале марта 1584 года царь ещё занимается государственными делами. К 10 марта относится первое упоминание о болезни (когда был остановлен на пути к Москве литовский посол «*в связи с государевым недугом*»). 16 марта наступило ухудшение, царь впал в беспамятство, однако 17 и 18 марта почувствовал облегчение от горячих ванн, но после полудня 18 марта **Царь Иван Грозный** умер. Ему было всего 54 года.

Сохранилось предсмертное поручение Царя Ивана 4 к Борису Годунову: «*Егда же Великий Государь последняго напутия сподобися, пречистаго тела и крови Господа, тогда во свидетельство представляя духовника своего Архимандрита Феодосия, слез очи свои наполнив, глаголя Борису Феодоровичу: тебе приказываю душу свою и сына своего Феодора Ивановича, и дочь свою Ирину...*». По нынешним версиям и по фактам вскрытия могилы Грозного, проведения исследований стала главной версия убийства, ему клали в пищу продолжительное время смесь мышьяка и ртути.

Умер **Царь Иван Мучитель** и в Москве как всегда бывает при смене правителя произошло сильное волнение черни. Вооружившись луками, копьями, дубинами и мечами, народ ринулся к Кремлю, ворота которого были заперты, поэтому они разгромили все лавки и арсенал, откуда взяли оружие и порох, намереваясь взломать ворота, и кричали: «*Выдайте нам Никиту Романовича!*» (Трубецкого), который был сыном тестя тирана и братом великой княгини Анастасии; он так же был телохранителем Ивана Ивановича сына Грозного. Народ был весьма расположен к нему, ибо Никита отличался благочестием. Чернь домогалась увидеть его живым, ибо все страшилось, что его изведут во время междуцарствия, по причине своей добродетели имел он много врагов при дворе.

Со стен Кремля кричали, чтобы они шли по домам и молились о душе усопшего, что скоро все придет в надлежащий порядок, уже известно кто должен царствовать, ибо после царя остались сыновья, и, сверх того церковь и бояре уже провозгласили Федора Иоанновича царем и великим князем на отцовском престоле, и что он женат и, следова-

тельно, нечего опасаться. Но эти увещания, однако, не помогли, и чернь продолжала кричать: «*Выдайте нам Никиту, выдайте нам Никиту Романовича!*» Вельможи, опасаясь, что чернь проломит ворота Кремля, велели стрельцам с двумя или тремя сотнями мушкетов стрелять по толпе, отчего народ тотчас побежал от ворот, так что большая площадь перед Кремлем тотчас же совершенно опустела. Никита Романович Трубецкой, опасаясь нападения на свой дом и не считая себя безопасным, желал возвратиться домой; хотя бояре прилежно просили его остаться в Кремле, он настоял на своем, и его выпустили; и когда он выехал верхом в сопровождении 20 слуг, народ, кричал, бесновался и ликовал от великой радости, что видит его живым, и большими толпами проводил его до дому.

*Царь Иоанн Васильевич Грозный
Съ портрета илюстриаго въ Кунсткамеръ Академіи Наукъ.*

Художник Б. А. Зеленский из труда Висковатова А. В. «Историческое описание одежды и вооружения российских войск».

После смерти царя Ивана Васильевича по прозвищу Мучитель (намного позже историки присвоили ему имя Грозный) по всей стране через церкви прокатился призыв выделить выборных людей из всех сословий на Церковно-Земский собор в Москву на коронацию нового царя. Одним из представителей от казаков на Войсковом Казачьем Кругу **весной 1584 года** были выдвинуты атаман **Иван Кишкин** и станичный атаман **Андрей Корела**, которому было поручено донести до Московского митрополита и Царя грамоту от казаков про «*тарханы*».

Земский Собор в мае 1584 г. утвердил на пост нового царя: «*Божьим судом великий государь, блаженные памяти благочестивый царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси, во иноцех Иона, оставль земное царство, отъиде в небесное царство; а по благословенью отца своего, великий государь благочестивый царь и великий князь Феодор Иванович всеа Руси самодержец, взем скипетр Российского царствия...*»

Собор так же вынес решение об отмене церковных и монастырских тарханов (податных льгот). Духовные землевладельцы, земли которых находятся «в тарханех», с них «никакие царские дани и земских розметов не платят, а воинство служилые люди те их земли оплачивают». От этого происходит «многое запустение за воинскими людьми в вотчинах их и в поместьях, платячи за тарханы. А крестьяне, вышед из-за служилых людей, живут за тарханы во лготе, и от того великая тощета воинским людем прииде».

Собор постановил: «для воинского чину и оскудения, тарханы отставити». Мера эта носила временный характер: до государева указа – «покаместа земля поустроитца и помочь во всем учинитца царским осмотрением».

Цели нового «уложения» определялись как стремление сочетать интересы казны и служилых людей: «чтоб воинство конечно во оскудение от того не было, для ради тоя вины и государеве казне в том убытка не было». Вот такое большое дело или послабление в налогах для воинских людей сделал умный, образованный и настойчивый Андрей Корела. это коснулось и казаков. Он передал царю именной список Донских атаманов и так же «целовал крест» т.е. давал присягу верности новому царю от имени всех Донских казаков.

Федор I Иоаннович (Фёдор Блаженный) ему 27 лет был провозглашен Царем и Великим князем Московии. По словам самого Ивана Грозного, Фёдор был «постник и молчальник, более для кельи, нежели для власти державной рождённый». Митрополит Московский Иов передал новому царю скипетр и хоругви, надел златую цепь и шапку, что прислал Греческий Царь Константин Мономах.

Английского дипломата Джильса Флетчера так описывал царя: «Теперешний царь относительно своей наружности: росту малого, приземист и толстоват, телосложения слабого и склонен к водяной; носунего ястребиный, поступь нетвердая от некоторой расслабленности в членах; он тяжел и недеятелен, но всегда улыбается, так что почти смеется. Что касается до других свойств его, то он прост и слабоумен, но весьма любезен и хорош в обращении, тих, милостив, не имеет склонности к войне, мало способен к делам политическим и до крайности суеверен. Кроме того, что он молится дома, ходит он обыкновенно каждую неделю на богомолье в какой-нибудь из ближних монастырей».

Женат Фёдор был на Ирине Фёдоровне, урождённой Годуновой, в иночестве её звали Александра. Свадьба была ещё при Мучителе в 1575 году, её брат Борис Годунов получил титул боярина. Жениху и невесте было по 18 лет.

Годунов был осыпан милостями: он получил чин «**конюшего**», звание ближнего великого боярина и наместника Казанского и Астраханского царств.

Еще при жизни своего отца-тирана, и так как в течение трех лет у него не было от нее наследника, она родила одну только дочь, которая вскоре умерла, то Иван 4 пожелал, чтобы сын, следуя их обычаю, заточил ее в монастырь и взял себе другую жену.

Федор Иоаннович, человек нрава кроткого и доброго, очень любивший свою жену и не желавший исполнить требование отца, отвечал ему: «Оставь ее со мною, а не то так лиши меня жизни, ибо я не желаю ее покинуть».

Пока атаман «зимовой станицы» **Андрей Корела** был в Московии казаки сделали ряд набегов на Азовских турок и соответственно. Турецкий Мурат султан сразу начал жаловаться новому царю и просил унять **Донского Атамана Кишкина**, злого разбойника Азовских пределов, «чтобы ваши Казаки под Азовом людей наших не теснили, не грабили и не убивали».

В конце августа 1584 года Царь пишет грамоту на Дон, так как знает к кому обращаться и у него есть приблизительный перечень Донских Атаманов.

Грамота (въ спискѣ) Государя Царя **ФЕОДОРА ІОАННОВИЧА** на Донѣ, Атаманѣ и Казакаѣ старымъ и новымъ: о препровожденіи, отправленнаго въ Константинополь Посланникомъ Бориса Петровича Благово до Азова и, на возвратномъ пути его, до Рязка, о прекращеніи всѣхъ спорѣ съ Азовцами, и объ охраненіи пограничныхъ Россійскихъ селеній отъ набѣговъ Татарскихъ. — Писана 1584, Августа 31.

Заголовок грамоты Государя из сборника «Донские дела».

Ещё раньше в грамоте от **31 июля 1594 года** «о заключении мира с азовцами и по случаю отправления в Царьград посланника **Истленьева**» и о присылки жалования казакам видим, что главными на Дону были **атаманы: Епиха Родилов, Микита Болдырь, Степан Ершов и Иван Нос**. В Москву был прислан казак Пронка с товарищами и с «языком». В пути им встретились бандиты, промышлявшие в Диком поле «и на поле их, погромили черкасы».

Из расспросных речей видно, что Казаки ходили на Казыевы улусы «...и многих азовских людей и Нагай Казыева побили... да отполонили русскаго полону 630 человек». За это Царь Федор Иванович выдал жалование за добрую службу «8 поставов настроилу, да 24 половинки еренковы, а в поставах и в половинках 150 портиц сукон добрых, да 50 пуд селитры, да 50 пуд свинцу, 6 пуд с четвертью серы, да запасу 150 четь сухарей, да 40 четь круп, 40 четь толочна». С этим жалованием, наверное, через Воронеж был направлен Василий Биркин с головою казацким Михаилом Кошелевым со стрельцами и казаками. Царь обещает Донским Казакам за их дальнейшую службу против крымских и азовских людей «наше царское жалование к вам и впредь будет». В этой грамоте так же говорится, что послан был «в Царь-город к турецкому Мурат салтану» посланник **Данила Истленьев** с турком Резван-чеушем, а проводить их должны были «**Василий Биркин, да голова казацкий Михаил Кошелев**». Когда грамота пришла на Дон «велели петь поам молебны и из пушек, и из мелкого ружья стрелять... и слушали все сняв шапки с радостью».

Эта грамота сохранилась в архивах и я, считая нужным привести её полностью (из Собрания Грамот и договоров) от слова до слова:

Царь Феодор Иоаннович
Съ портрета ипользованъ въ Кустиказоръ Академіи Наукъ.

Царь Феодор Иванович. Художник Б. А. Зеленский из труда А.В.Висковатова «Историческое описание одежды и вооружения российских войск».

*«Послали есмя во Царьград, к Турскому Мурат Салтану, в Посланникех, **Бориса Петровича Благово**, а идти велели есмя, Борису на Азов да на Кафу; и как Борис пойдет на Азов Доном, и вы б, **однолично, с Азовскими людьми жили смирно, и задору никоторого Азовским людем не чинили, чтобы в том нашем делу порухи не было.** И которые, будет, Азовские люди учнут ходить на Дон, и по рекам, для рыбных ловель, и для дров и иных которых запасов; и вы б тех людей, Доном и по рекам пропущали, и задору никотораго не чинили. А мы Борису, с Азовским Санчаком велели о том договоритися, чтобы Азовские люди, по тому ж жили с вами смирно и здоров вам не чинили никаких; а договорясь, к вам велели есмя, Борису, и отписать и знамя послати к вам, что он приговорит с Азовским Санчаком, чтобы вам то ведомо было. И как Борис к вам отпишет, или прикажет, и вы б в Азов, от себя ссылались к Азовскому Санчаку, что к вам наш указ пришел, и велено вам с Азовскими людьми **быть в миру, и задору никотораго делати не велено, и на Крымские улусы вам ходить не велено, и они б, потому ж с вами жили в миру и сами бы не задирали,** только есте того берегли накрепко, как воинские люди Крымские, и Казыева улуса и Нагаи пойдут войною на наши **украины**, или которые воинские люди пойдут с полонем, с **наших украин** и вы б в те поры на тех людей, на перевозех, приходили и над ними промышляли, чтобы над ними дал Бог, поиск учинити и полон отполонити: того бесте **однолично берегли накрепко, а нам тем служили, а мы вас, за вашу службу, жаловать хотим.** А ныне есмя к вам свое жалованье, которые ходили Атаманы и казаки под Калмиус, послали с Борисом с **Благим, селитру и свинец, а вперед вас, своим жалованьем, хотим жаловати;** а как придет изо Царягорода Борис назад в Азов, и вы б его, от Азова, проводили до **Рязскаго города, меж себя городок от городка.** А которые останутся **низовые Атаманы от Азова***

до **Роздоров**, и вы б их имяна, хто имянем атаман, и сколько с которым Атаманом казаков останется, то б есте имянно переписав, дали письмо посланнику нашему **Благово**, а мы **Борису** велели тех имена прислати к нам; а мы к ним вперед, на весне рано, свое жалованье приишем. А как **Борис** в Азов придет, и вы б его проводили, чтобы ему **Казыева улусу** и от **Крымских людей**, проити здорово и безстраино; а будет **Салтан** **Турской** пошлет к нам, с нашим **Борисом Благово**, своего **Посланника**, и вы б его, **Посланника**, провожали чесно, вместе с **Борисом**. Писана на **Москве**, **Лета 1584**. **Августа** в 31 день».

Не все из донских казаков ещё подчинились царю, так из документов **Благого** видим: «...на **Дону** **Донские** **атаманы** **Гаврило Глумов** да **Лука Царёв казак**, а с ними 500 человек казаков дождаются, **государь**, **меня холопа твоего**, а хотят **громити**».

Сопровождал **Бориса Благого** воевода **Юрий Булгаков**, а казакам отправлена ещё одна грамота, в которой обещали им дать поместья если в точности исполнят волю **Царя**.

Приняв посла турецкого и поняв, что **Султан** не думает о заключении дружественного договора, а желает только торговать с **Россиєю**, **Царь Фёдор** отпустил посланника с ответом, что на **Дону** злодействуют более **Казаки Лиговские**; что **атаман Иван Кишкин** отозван и **Москву**, и товарищам его **атаману Юшко Несвитаеву** не велено тревожить **Азовцев**.

Далее в течение следующих шести лет **Царь** никого не посылал в **Царьград** и даже явно начал действовать против **Султана**, ибо в самый день **Ибрагимова** отпуска, 5 **Октября 1586** года, **Государь** торжественно принял **Грузию** в подданство; послал **Воеводу Князя Хворостинина** с дружиною **Стрельцов** в городок **Терский**, который хотя был уже оставлен, но в нем еще держались вольные **Казаки**, преграждавшие **Туркам** путь к **Дербенту**.

В 1587 году было ещё одно дело, **ногайцы**, убегая от черкес **пятигорских** прикочевали к **Дону**, **казаки**, охраняя свои территории вторглись в улусы князей **Екшисата** и **Кайбулы** и прогнали их в сторону **Крыма**.

Казаки продолжали вытеснять **азовских турок** и нападали на их поселения вокруг крепости **Азак (Азов)**. **Крымский хан Казы-Герей** жалуется уже не царю, а боярину **Борису Фёдоровичу Годунову**: «Да **казаки** **ваши** **Донские** **Азаку** **городу** **досаду** **чинят** и **вам** **бы** **для** **турок** **тех** **казаков** **уняти**, да **вашиж** **казаки** **с** **Дону** **и** **Самары** **к** **Овечьим** **водам** **приходя** **украдам** **к** **нашим** **ко** **многим** **улусам**, **воруют**, **живот** **емлют**, а **терские** **казаки** **ходили** **к** **Темрюк** **городу**».

В 1588 году **Царь** заключил союз с **Персидским Шахом**, что обнаруживало уже такое недоброжелательство, которое могло и долженствовало быть весьма неприятно **Турецкому Султану**.

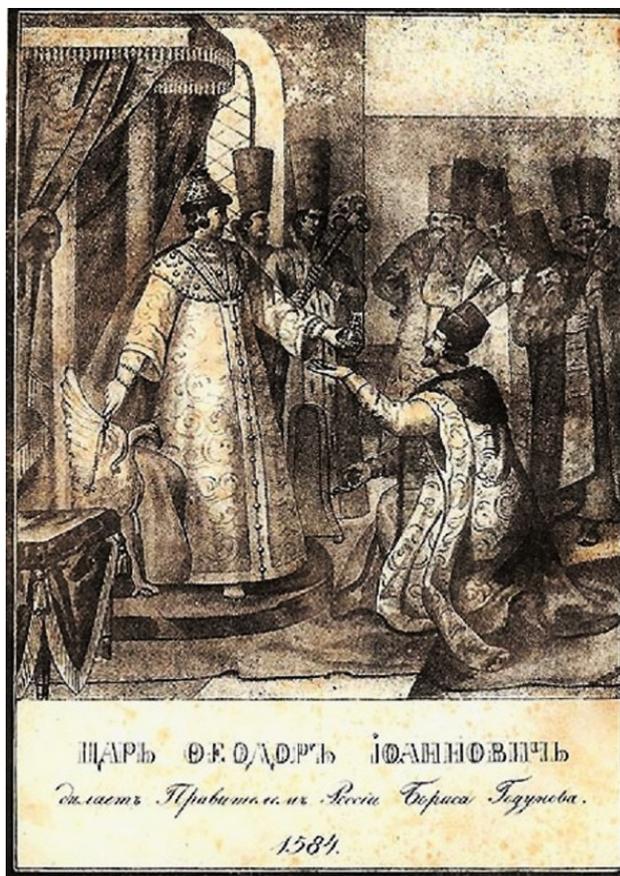
В этом же году на **Дон** впервые пришли «**Запорожские Черкасы**» под начальством **атамана Матвея Фёдорова** по приглашению **станичного атамана Андрея Корелы**. Они остановились у **Северского Донца** на дороге **Ливенской** по которой проезжали послы и купцы из **Москвы** в **Крым**.

Борис Годунов в **1589** году отправил гонца своего **Петра Зиновьева** в **Крым** с отрядом из 150 **стрельцов** и детей боярских и поручил встретиться с **запорожцами** и склонить их к службе **Царю Московскому** за большое жалование. **Зиновьев** позже писал **Годунову**: «Да **Черкасы** **же** **литовские** **воевали**, **сее** **весны** **в** **Азов** **посад**, **месяца** **мая** **в** **8** **день**, а **взяли** **де** **в** **Азове** **на** **посаде** **Черкасы** **всяких** **людей** **человек** **с** **300**».

Мартин Бер современник и пастор лютеранской церкви в **Москве** так пишет о том времени:

Фёдор Иоаннович желал служить Богу, выбрал бояр и князей и велел вельможам избрать мужа благоразумного и возложить на него тяжесть забот государственных. Никто из бояр не пошёл на этот рискованный поступок. Один **Борис Фёдорович Годунов** оказался решительным. **Фёдор** снял с себя золотую цепь и отдал на **Годунова** сказав при всех: «**Вме-**

сте с цепью снимаю я, Царь и Самодержец вся Руси, бремя с моей выи и возлагаю его на тебя Борис Фёдорович. Решай в моём государстве все дела, кроме важнейших, которые докладывай мне, не приводя в исполнение без моей царской воли, я же буду по-прежнему Царём-Государем».

Старинная гравюра 17 века. Неизвестный художник.

Обратимся к делам церковным которые во многом повернули историю страны. Летом **1588** года в Москву прибыл **Константинопольский Патриарх Иеремия**. Состоялась встреча Царя Фёдора Иоанновича с Патриархом, последний ехал во дворец «на осляти» были преподнесены дары: золотая панагия с частью Дерева, крови Христа и ризы и многое другое. После аудиенции с Царём, переговоры продолжил Борис Годунов.

Вначале он предложил остаться жить в России и перенести Патриаршество, но так как Иеремия не знал языка и обычаев этой земли, он отказался. Тогда Борис одарил всех гостей богатыми подарками и уговорил учредить Патриаршество в Москве.

Были выдвинуты три кандидатуры. **23 января 1589** года большинством был избран первым Русским Патриархом Йов.

Гравюра 17 века. Неизвестный художник.

До времени правления Иова было напечатано всего 4 церковных книги Евангелие, Апостол, Часослов и Псалтырь. Уже 1589 году была напечатана Триодъ Постная. Книгоиздание вступило на новый уровень. Началось строительство каменных храмов в Москве.

ЦАРЯ ФЕОДОРА ИОАННОВИЧА.

101

89. Сія Грамота писана на большомъ пергаментномъ листѣ, скорписью, съ 15 наертаніемъ въ началѣ золотомъ заставка, Божесловія, полное Царскаго титула и прописныхъ буквъ въ текстѣ. Къ ней пришеино десять слѣдующихъ печатей, изъ коихъ первая четверь, въ томъ числѣ: большая Государственная, двѣ Патриаршія и одна Митрополитія, изъ краснаго воску на краемыхъ шелковыхъ суркахъ; а послѣднія шесть: три Митрополитія, двѣ Архіепископскія и одна Епископская, изъ сераго воску на терныхъ же шелковыхъ суркахъ.

Ч. II

Печати на грамоте при избрании Патриарха Иова. Архивный документ 16 века.

Но вернёмся к Годуновым. Многие решают женщины хотя правят мужчины, Жена Бориса постоянно стремилась к возвышению и мечтала со временем стать царицей, и надежды ее возрастали, ибо у царицы Александры не было детей; и Мария Годунова (Скуратова) постоянно убеждала своего мужа в том, что никто, кроме него, по смерти Федора не может вступить на престол, хотя еще живы были другие, а именно **Димитрий**, сын Ивана 4 от седьмой его жены Марфы.

Брат Великого князя и Царя Федора Иоанныча, юный царевич Димитрий, был послан в имение, находящееся на берегу большой реки Волги, называвшееся Углич, где молодого царевича воспитывали и содержали с тою же пышностью, как самого царя.

Прежде всего Борис Годунов старался известить Димитрия, полагая, что, если это произойдет, ему легко будет достигнуть своей цели. Прежде всего он добился того, что царица Марфа была отправлена к сыну, а все родственники ее из рода Нагих разосланы правителями в отдаленные места.

Когда в 1591 году отбились от крымского хана Борис приступил к осуществлению своего намерения, совещаясь со своими друзьями и родственниками, которых было до 70 домов, а именно: Годуновы, над которыми Борис был главою, хотя некоторые из них были старше его, Вельяминовы и Сабуровы два рода, прозванные так; с ними он каждодневно советовался, как достичь короны; прежде же всего необходимо было избавиться от юного царевича Димитрия, ибо весьма опасались, что удобное время упущено, ибо **Димитрию было десять лет** и по своему возрасту он был очень умен, часто говоря: *«Плохой какой царь мой брат. Он не способен управлять таким царством»*, и нередко спрашивал, что за человек Борис Годунов, державший в своих руках все управление государством, говоря при этом: *«Я сам хочу*

ехать в Москву, хочу видеть, как там идут дела, ибо предвижу дурной конец, если будут столь доверять недостойным дворянам, поэтому надо позаботиться заблаговременно».

Царевич Дмитрий Иоаннович. Рисунок из «Титулярника» XVII века. Неизвестный художник.

Эти и им подобные речи были передаваемы Борису и его приверженцам, опасавшимся, что если они вовремя не осуществят своего намерения, то сами попадут в западню, приготовленную для других.

Николай Михайлович Карамзин в своей «Истории Государства российского» так пишет: *«Если Годунов боролся с совестью, то уже победил её и, приготовив легковёрных людей услышать без жалости о злодействе, держал в руке яд и нож для Дмитрия: искал только, кому отдать их для совершения убийства».*

Это мы сейчас знаем много различных источников и можем с уверенностью сказать, что царевича Дмитрия точно убили и кто потом был Лжедмитрий. А люди того времени располагали в основном слухами и докладами бояр.

Борис велел дьяку Михаил Михайловичу Битяговскому ехать в Углич, что бы править там земскими делами и хозяйством вдовствующей Царицы, не спуская глаз с обречённой жертвы и не упустить нужной минуты. Годунов дал ему много золота и пообещал ещё больше и совершенную безопасность. Дьяк привёз с собой своего сына Даниилу и племянника Никиту Качалова.

Наступила суббота **15 мая 1591** г. Михаил Битяговский хорошо зная, что следует делать, ближе к вечеру он приказал сыну своему Даниилу вместе с Никитою и Осипом Волоховым спрятаться на дворе, Царица возвратилась с сыном из Церкви. Пока готовились обедать, боярыня Василиса Волохова позвала Дмитрия погулять во двор. Во Дворе ещё находились Данила Третьяков, Данила Михайлов, Петрушко Колобов, Баженко Тычков Ивашка Красенков. Пацаны подошли к царевичу и спросили: *«Государь! У тебя новое ожерелье».* Тот с улыбкою невинностью подняв голову ответил: *«Нет, старое...».* В это время Осип Волохов взмахнул ножом по горлу и сразу бросил. Царевич упал, а Данило Битяговский

и Никита Качалов ещё полоснули ножами и кинулись по лестнице вниз. У всех случился ступор, а потом поднялся крик.

Кормилица Орина схватила Дмитрия на руки, он трепетал и испустил дух и тут Царица вышла из сеней на крыльцо. Кормилица указала на боярыню Волохову и на её сына и родственников. Царица Мария кричала и поленом била Василису и пробила той голову в двух местах. Подбежал Григорий Нагой хотел заступиться, и бедная Мария этим поленом била его и упала замертво, её покинули силы. И тут начали звонить во все колокола. Ближний дьяк Битяговский в положенный час, разослал всех с различными поручениями, а сам, дабы отклонить от себя всякое подозрение народа, отправился в канцелярию заниматься своими делами в присутствии большой толпы народа, собравшегося для решения тяжёлых дел.

Смерть царевича Дмитрия в 1591 г. Художник Б. А. Чориков.

В это же время двое помянутых убийц перерезали царевичу горло, от сильного смущения забыв умертвить других детей, и тотчас бежали; они успели ускакать на лошадях, заранее для них приготовленных.

Убийство царевича. Художник К. Е. Маковский.

Как только это свершилось, молодые дворяне подняли на дворе сильный вопль. И известие тотчас дошло до канцелярии, а потом распространилось по всему городу. Каждый кричал: «Разбой, извели царя!» И многие вскочили на лошадей и сами не знали, что предпринять; другие бросились на двор, схватили здесь всех – и дворян и недворян – и заточили до той поры, пока Москва не узнает об убийстве; между тем во время ужасного смятения многие были умерщвлены.

Когда это известие пришло в Москву, сильное смущение овладело и народом, и придворными, и Царь Фёдор был в таком испуге, что желал смерти; его утешали, как только могли; Царица Ирина также была глубоко огорчена и желала удалиться в монастырь, ибо подозревала, что убийство совершилось по наущению ее брата Бориса, жаждавшего управлять царством и владеть короною; но она молчала и все, что слышала, таила в сердце, никому ничего не сообщая.

Борис Годунов с чрезвычайной ловкостью сумел подействовать на царя, что тот поручил ему произвести розыск, и Борис принял это поручение.

Убиение царевича Дмитрия. Неизвестный художник 18 века.

Можно было справедливо сказать: овцу поручили волку, но Борис Годунов так произвел розыск, что всех, бывших при дворе царевича, схватили как изменников, и все они под-

верглись царской опале и были отправлены в ссылку; некоторых, навлекших на себя подозрение, казнили; так совершенно невинно погибли многие добрые люди с женами и детьми.

Из Москвы послали знатного боярина Василия Ивановича Шуйского, окольного Андрея Клешина и дьяка Е. Вылузгина провести расследование и присутствовать при погребении. По окончании следствия они осмотрели тело царевича, которого хорошо знали, и собственноручно положили его во гроб в присутствии старой царицы Марии, его матери, вдовы покойного тирана. И так похоронили царевича Дмитрия в том городе Угличе, с великим воем и плачем, по русскому обычаю.

Затем старая царица Мария (Марфа) заключена была в монастырь, все оставшиеся в живых ее родственники из рода Нагих были, как уже сказано, сосланы. По всей стране было много толков среди знатных людей, которые не осмеливались действовать против Годуновых, пока царь Фёдор жил с царицею Ириной, сестрою Годунова: не простой народ, купцы и другие простые люди толковали между собой о Годуновых, говоря втайне, что они изменники и стремятся овладеть царским венцом, поэтому Борис употреблял всевозможные средства для того, чтобы отвести от себя эти толки.

4 июля 1591 года крымский хан **Казы-Гирей** с полутора тысячным войском подошёл к Москве, однако, оказавшись у стен новой мощной крепости и под прицелом многочисленных пушек, штурмовать её не решился. Мало кто знал из татар что под руководством зодчего **Федора Савельева по прозвищу Конь** были возведены стены **Белого города** протяжённостью 9 км (они опоясали район, заключённый внутри современного Бульварного кольца). Стены и 29 башен Белого города были сложены из известняка, обложены кирпичом и оштукатурены.

В мелких стычках с русскими отряды хана постоянно терпели поражения; это вынудило его отступить, бросив обоз. Ночью русские воеводы из «обоза» отправили 3-тысячный конный отряд **Василия Янова** в атаку на ханский лагерь в селе **Коломенском**. Встревоженный русским нападением и пушечной стрельбой, крымский хан **6 июля** начал спешное отступление от русской столицы.

Русские конные отряды были посланы в погоню за отступающей и деморализованной крымской ордой. В последних боях с русскими в «диком поле» был ранен сам хан Газы-Герай, кроме того были ранены царевичи Сафа Герай и Бахти Герай, племянники хана. За победу над Казы-Гиреем.

По прибытии в Москву Борис Годунов получил наибольшее вознаграждение из всех участников этой кампании. Вот цитата из Н.М.Карамзина: «...надел на Бориса с своего плеча шубу Русскую с золотыми пуговицами в 1000 рублей и с себя же цепь драгоценную, пожаловал золотой сосуд Мамаевский славную добычу Куликовской битвы, три города области Важской в наследственное достояние и титул „слуги“ знаменитейшее Боярского». Так же царь не обделил и Мстиславского, и других воевод. На месте где стояло русское войско заложили монастырь, названный *Донским* от имени иконы с Куликова поля, которая так же была под стенами Москвы.

В **1592 году** Царь Фёдор Иванович послал в Константинополь своего посланника **Григория Афанасьевича Нащёкина** для улучшения государственных отношений. Султан жаловался на недружелюбные действия донских казаков, а русский царь на крымских и азовских татар. Московский царь иногда забывал про то что казаки получали жалование, а коль нет денег то вольные люди поступали как им заблагорассудится. Добывали себе на пропитание набегами на азовскую крепость и грабежами проезжих купцов. Ранее в 1590 году, Донские казаки вместе с Запорожцами, ограбили и сожгли деревянную крепость Воронеж, убили тамошнего Воеводу, Князя Долгорукова-Шабановского; и позже ограбили несколько Турецких купеческих кораблей, пристали к берегам Малой Азии, опустошили и выжгли города Трапезонт и Синоп.

Вот цитата из грамоты архива Дел Турецких; «*А по Дону были литовские Черкасы (никакие не украинцы) многие и сложася с нашими изменниками с Донскими казаками, которые от нас бегают, жили на Дону и потом нашему посланику и Доном проехати было нельзе. А которые воры Донские казаки, вперёд будучи на Дону, Азову и Томани и Темрюку убытки ночнут чинити, и мы на Дон пошлём вперёд рать свою, и тех воров Донских казаков переимати велим, а вам бы, брату нашему, Мурат султану заказ учинити, чтоб вперёд азовские и белгородские и крымские люди на наши украины войною не приходили*».

Зимой 1592 года азовские турки приходили на казачьи городки и взяли в плен более 100 человек. Казаки в отместку и для освобождения из плена своих людей пошли под Азак и убили много турок и некоторых взяли в плен и на страх варварам под самим Азовом, на одном из Донских устьев поставили крепостцу. А весной пока посланник ещё находился в пути к Азову **отряд казаков** под предводительством **Василием Жигулиным** на малых лодках пустился в море Азовское для поражения неверных.

Нащёкин писал и жаловался из Азова в Москву: «*Казаки Станиц низовых силою отняли у меня дары Государевы, не хотели без окупа выдать мне взятых ими в плен Султанского Чауша с шестью Черкесскими Князьями и с досады одному из них отсекли руку, вопя на шумной сходке: «Мы верны Царю Белому, но кого берем саблею, того не освобождаем даром!*».

Царь справедливо раздраженный сим своевольством и дерзостью, послал на Дон Войсковому Атаману Степану Ершову и Казакам верховым и низовым грамоту в которой писал: «*По получении сей грамоты, сославшись, с Азовцами немедленно помириться, хотя бы вам и досада какая от Азова произошла; помирившись же, отнюдь в море на грабеж не ходите, и тем Нас с Турецким Султаном не ссорьте. Послушаетесь, тем службу свою прямую Нам покажете и жалованья Нашего не лишитесь; не послушаетесь, навсегда лишим вас и жалованья и милости Своей.*

Грамота (въ спискѣ) Государя Царя ФЕОДОРА ИОАННОВИЧА къ Донскимъ Атаманамъ и Казакамъ Верховымъ и Низовымъ: о немедленномъ замирении съ Азовцами, съ отдачею иль плбныхъ безъ выкупа; объ угрозахъ, за неисполнение повелѣнаго, Царскою опалю; о препровождении возвращающагося изъ Царяграда Посланника Нащюкина, и съ нимъ бѣдующаго въ Москву Турецкаго Чауша, и о посылкѣ на Дивеевъ улусъ лучшихъ конныхъ Атамановъ и молодцовъ, для подлиннаго свѣденія о непріязненныхъ намѣреніяхъ Крымскаго Хана. — Писана 1593, Марта 20.

Заглавие грамоты Федора Иоанновича из сборника "Донские дела».

Если же, паче чаяния, и после сего Нашему делу с Турками какую поруху учините, опалу на вас возложим, в Москву для ласки никогда вас не призовем, пошлем на вас рать, велим на месте вашего Раздора поставить свою крепость, изгоним вас с Дону и вместе с султаном не позволим вас воровать, как ныне воруете... и посылаемого к вам для встречи их Измайлова примите и препроводите до нашей украины с честью, дав в распоряжение Измайлова от 200 до 500 человек. Лучший отряд доброконных и вооруженных Атаманов и молодцов пошлите погромить Араслана Дивеева Улус, что на Калмиусе, и добудьте там языков, чтобы нам про Ханово умышление узять своевременно. Если до прибытия послов Татары и Азовцы пойдут войною на Украину, вы ступайте на шляхи и перевозки в тыл врагу, и, сошедшись из Донце с Путивльскими и Запорожскими Черкасами, там по Указу Нашему с Гетманом Хриштопом Косицким находящимся, действуйте совокупно и за одно. На Казыев и Арасланов Улусы придут Нагайцы со многими людьми, с Нашим Боярским сыном, и им помогайте усердно, и где нужно перевозите их чрез Дон. Ныне, с вашим Атаманом Венюковым с товарищами, посылаем вам только по три пуда свицу и зелья; а с Измайловым, смотря по нынешней службе вашей и раде-

нию, приишем более. Какие у вас вести поновятся, не мешкавши присылайте к Нам Атамана с товарищами, коньми в станице...»

д. Ш Цяі і Великого Кіля Федора Іоанновича вои Рєси, на Дону Донским атаманом Верховным и Низовым, Сшепан Ершов і всько атаманомъ и казакомъ Верховномъ и Низовымъ. Какъ есмь обрѣтени въ Царьградѣ посланника нѣко Григорія Нащѣкина, да поучено Удѣря Попова, и ми писанъ къ вамъ; а вѣдали есмь вамъ с Азовскимъ Кіежемъ и со всьми Азовскими людьми бити в кирѣ, и задорогъ никакихъ Азовскихъ людей, ни в чемъ чинити не вѣдавъ, и делати с ними вѣдали миромъ. И какъ иже слыхъ дошлъ, что вы, какъ иже дошло посланника Григорія, с Азовскимъ Кіежемъ и со всьми Азовскими людьми роздарили, усмирили; а вы къ намъ писали, какъ есмь проводил посланника нѣко Григорія до Азова, и чѣмъ до Азова заперли у себя в Азовѣ, буждѣ посланника Григорія, покаренили нѣко атаманомъ и казакотъ сию иреничить чѣкъ, да дѣлошмачен, одного казнили, а дѣлѣго вѣдо послали на кашарѣ; да и нѣкошъ много казакотъ казнили и на кашарѣ посадили; а къ намъ нѣко посланникъ нѣко Григорей писалъ къ намъ Царьградѣ, что Григорей в плѣнѣ великомъ было истѣмъ, нѣко в плѣнѣ роздари; а Салтанъ де Турекскій нѣко Царьграда	Григоря бѣжачемъ, а с нимъ бѣжачемъ къ намъ Турекскій чѣкъ своего, и ми, испрѣко Турекско чѣша и Григоря Нащѣкина, на Дону къ намъ посылаемъ дворнина своего Івана Васильева сѣа Иванова, а шахрѣмъ сего къ намъ послали сѣа атамана Симѣона Воейкова сѣа варячи. И какъ къ намъ ет нѣко грамота придетъ, и вѣда, всѣ атамана Верховное и Низовое и казаки, шотъмъ с Азовскимъ Кіежемъ и со всьми Азовскими людьми сослава, и ширѣдѣ, и кирѣ с нимъ чинити миромъ, и на Турекско горѣ на море не ходити, и задорогъ Азовскихъ людей. Кирѣ ни в чѣмъ не дѣдали, а нѣко бы есмь шѣмъ сажабѣ свою иреничи показали, и с Турекскимъ Салтаномъ нѣкошъ вѣдѣ, и шѣ нѣкошъ казакотъ не бѣжачемъ; а ми вѣдѣ на слѣбѣ показавемъ нѣкошъ иреничить, и сѣе иреничить къ намъ с-Благовѣго посылаемъ. И какъ дворапнѣ нѣкошъ Иванъ Поповакъ къ намъ прѣдѣтъ, и вѣдѣ с нимъ Турекско чѣшо и нѣкошъ посланника Григоря до Азова дѣждѣдѣ; а какъ Турекско чѣшо и посланникъ нѣкошъ Азовѣ прѣдѣтъ, і вѣдѣ нѣкошъ иреничить, но иреничить обѣщѣ, и иреничи ихъ чѣсно и проводили ихъ до Азова до нѣкошъ Шкранна, и вѣдѣ до чѣкъ до дѣлѣ соитъ, намъ

Отрывок из грамоты Феодора Иоановича из книги "Донские дела»

Вот эту грамоту, не дойдя до **Раздоров** три версты и остановясь на Гостином острове, Царский Посланник Нащѣкин хотел зачитать всем верховым казакам. Он послал в Войско атамана Вышыту Васильева, три дня верховые казаки бузили, но потом пришли на остров в количестве до 300 человек с **атаманом Симеоном Воейковым**.

После казаки верховые и низовые собрали войсковой круг, на котором присутствовал и писал ответ **Атаман Зимовой станицы Андрей Корела**. Вот цитата из книги русского историка **В.Д.Сухорукова** «Историческое описание земли Войска Донского»: «... безчестно для нас самим искать мира у Азовцев. Мы только по просьбе врагов наших даём им пощаду, но сами оной никогда не просим и, если дадим повод почитать нас слабыми безсильными, тогда неприятели сделаются дерзновеннее и самих нас не оставят в покое. При том же без совета товарищей наших, находящихся на море, мы не смеем начинать никаких переговоров. Не можем отдать и пленников, мы купили их своей кровью, не мы на них нападали они сами искали голов наших и пришед с оружием, хотели разорить наши городки, но за свою дерзость наказаны постыдным пленом. Желаем отомстить врагам нашим Азовцам, которые собратьев наших попадающих им в плен, всех мучительски убивают или сажают на каторги, а нам не только даром, но даже и на выкуп не отдают их».

Нащѣкину не понравилось такое поведение казаков, и он удержал знатную часть царских даров, но казаки, поговорив с уже прибывшими новыми товарищами решили требовать от посланника всех царских даров, а подозрительного Васильева посадить в воду, но тот быстро спрятался. Григорий Нащѣкин сказал, что он сам разделит дары поровну верховым и низовым, но их у него отняли, а Вышату били плёткой и посадили в воду. На этот шум прибежал Андрей Корела и собрав атаманов Василия Жегулина, Ивана Носа, Ивана Фёдорова, Василия Кабана, Прокопия Трубчанина и других объяснил им что не стоит ссориться с Царём Фёдором Иоанновичем, так как знал силу его войска и тихо порешили извиниться перед посланником и обещали принять меры в переговорах с Азовцами и 15 июня с честью проводили его до крепости Азак. От Донских казаков приезжали в Азов для подписания мира два атамана Семён Воейков и Смирной Фёдоров, они целовали крест за всех атаманов и казаков греческому попу. 5 июля Григорий Нащѣкин усмирив стороны отбыл в Кафу.

Но не долго длился мир, турки как всегда не сдержали слово. Они захватили и заперли в крепости 130 казаков проважавших царского посланника, одного толмача казнили, дру-

гого посадили на каторги (т.е. приковали грести на галерах), а многих порезали и заключили в темницы.

Атаман Андрей Корела и другие атаманы собрали низовых казаков, которые кипели яростью, на лодках скрытно и ночью пришли к крепости Азов, ворвались через стены и убили много турок, больше 100 человек взяли в плен и возвратились в Раздоры, затем написали письмо и отправили **атамана Степана Ванюкова** к царю в Москву. **В Марте 1593 года** Ванюков возвратился на Дон и привёз жалование всем казакам и письмо; *«Покажите теперь верную службу вашу, заключите мир с Азовцами, лучше терпеливо снесите от них обиды, но их не трогайте, по крайней мере до толе, пока приедет к нам турецкий посланик. Если не послушаетесь, наложу на вас мою опалу, не дозволю бывать в Москве и пошлю на низ Доном к Раздорам большую мою рать. На Раздорех велю поставить мой город и вас сгоню с Дону».*

Обе стороны хитро изворачивались в этих переговорах. Для встречи посланника царь Фёдор отправил на Дон князя Волконского. Хоть многие казаки не хотели мириться с турками, но **атаман зимовой станицы Андрей Корела** во всё помогал Волконскому и дождался посланников и проводили их с честью до Рязанских пределов.

(199) Там же, лист 167, отписка князя Волконского, привезенная 19 августа 1593 г.

... «А Донские государь атаманы и казаки о провожаньи намъ отказали, что имъ въ неволѣ послать провожать никакъ немочно, а которые охотники похотятъ ѣхать и они тѣмъ запрещаютъ. А охотниковъ, государь, съ нами идетъ донскихъ атамановъ и казаковъ только человекъ съ 30; а хотѣли, государь, съ нами идти въ провожанье атаманы и казаки многие, да какъ прѣѣхали съ украины назадъ въ войско казакъ Нехорошко Картавой, которой сбѣжалъ съ твоей государевой службы изъ Серпухова и сказывалъ де атаманомъ и казаконъ, что на Москвѣ ихъ товарищескъ вѣща нелицкая: твоего государева жалованья имъ не даютъ, а на Донъ не пускаютъ, а служатъ на своихъ конехъ и кормунимъ не даютъ, а иныхъ въ холопи отдають, а атаманы и казаки слыша то, многие ѣхать размышляли; а вторые государь охотники съ нами ѣдутъ и мы и тѣмъ не вѣримъ.»

Отписка князя Волконского из сборника "Донские дела»

В приказных московских документах, в которых среди других старых донских атаманов назван Андрей Корела. В 1593 г. он *«приезжал с Дона с вестями в Москву и получил за службу 8 руб. денег и камку».*

Козаки старались нести службу царю верно. Весной 1594 года азовские турки предприняли поход на российскую Украину, но Донские казаки встретили их на обратном пути и освободили более 600 русских пленников.

В конце **июля 1594 года Атаману Зимовой станицы Кореле** снова пришлось встречать и провожать нового посланника Ислепьева от Царя Московского в Константинополь.

Турки в переговорах с Россией настаивали, чтоб царь, свёл казаков с Дона и порушил их городки. Но наши бояре отвечали, что на Дону живут люди вольные, российские беглецы на коих лежит опала государева.

Пока в Москве шла жизнь, связанная с политикой и установлением дружеских отношений с поляками, шведами и на юге с персами, казаки Дона обустроивали свои жилища и вновь выстроенные крепости. У нашего героя **Атамана Андрея Тихоновича Корелы**, которому уже 44 года, родились и подросли два сына: **Пётр** ему 11 лет и **Тихон** так называли в честь деда, ему 9 лет. Отец часто отлучался в походы, соответственно за всё в доме отвечала **жена Анна**, которую когда-то Андрей купил у станичника.

Казак и казачка. Неизвестный художник 17 века.

В книге историка **А.И.Назарова** «*Антропонимикон яицких казаков XVII века.*» видим, что внук Андрея Корелы, носил фамилию Корелин (тогда говорили КОРЕЛин сын). Возможно, что и Олимпийский чемпион по вольной борьбе Александр Александрович Карелин, Герой Российской Федерации происходит корнями от этих казаков.

Казака **Оношку Петрова Корелина** А. Б. Карпов (историк яицких казаков) принял за инородца, решив, очевидно, что компонент Корелин указывает на принадлежность к народу кореле. Однако это не, бесспорно. В. А. Никонов отметил: «На Севере многочисленны Карельские фамилии (она не этнична, а территориальна слово «*корела*» в то время означало вообще «*западная сторона*»).

Исследователь и историк А. Б. Карпов не только опубликовал материалы переписи яицких казаков 1632 г., но и дал общую характеристику их антропонимикона по этой переписи, правда, весьма краткую. «*Из этой переписи видно, что казаков на Яике в то время было 950 человек, все они великорусского происхождения за исключением 4 инородцев, все носят православные имена, кроме корельца (Оношко Петрова Корелина). Из всех 950 только 93 имеют прозвища или фамилии, остальные называют себя по имени и отчеству (Иван Михайлов, Петр Сидоров и т. д.) и лишь 487 человек к своим именам прибавляют название места, откуда они прибыли на Яик, такие как Ивашко Дмитриев Нижегородец, Богдашко Елизарьев Белозерец.*»

Но вернёмся к Донским казакам. Вот цитата из А. Ригельмана про то время:

О НАВЪЗДАХЪ И УДАЛЬСТВАХЪ ДОНСКИХЪ КОЗАКОВЪ.

**Жившіе жъ неподвижно на До-
ну между тѣмъ, а паче когда бѣг-
лецы къ нимъ прибывали и чрезъ
разной набродъ паки умножили
ихъ, ѣзжали для добычь своихъ
въ Татарскія и Турецкія области
какъ сухопутно, такъ и водою, по
Азовскому и Черному морямъ, и
столь отважно, что не препятство-
вали имъ ни учрежденныя отъ Ту-
рокъ заставы, ниже самой Азовъ.
Они такъ удачны были, что многія
деревни и мѣстечки разоряли и
частыя сшибки водою и сухопут-
но съ Турками и Татарами имѣли,
и получали, сверхъ прочей добы-
чи, пушки, порохъ, ядра, свинець
и всякую военную збрую.**

Из книги А. Ригельмана.

Теперь вернёмся в Москву. 18 мая 1595 года усилиями Фёдора Иоанновича и Бориса Годунова Россия заключила Тявзинский мирный договор-договор о мире («вечный мир») между Русским царством и Швецией, подписанный в селении Тявзино (швед. Teusina, фин. Täysina) близ Нарвы.

Завершил русско-шведскую войну 1590—1593 годов Россия возвращала себе крепости Ям, Копорье, Ивангород, а также Корелу, потерянные в результате Ливонской войны, в выигранном положении оказалась Швеция, которая, кроме Ижорской земли, сохранила за собой полный контроль за русской внешней торговлей на Балтике: располагая выходами к морю.

В 1597 году Царь Фёдор I Иоаннович ввел «урочные лета»: по делам о владении крестьянами, их вывозе, возвращении беглых крестьян стал действовать 5 летний срок подачи их владельцами исковых челобитных. Теперь крестьян можно было возвращать через суд. Эти поправки в законы Донские казаки приняли в штыки, что усиливало волнения среди народа.

Русский народ в эти годы был в большом страхе, вспоминая о недавнем нашествии крымских татар, то Борис приказывал поджигать Москву в разных местах, и так три или четыре раза, и каждый раз сгорало более 200 домов, и все поджигатели были подкуплены Борисом, и многих из них приводили к нему, и он, угрожая позорной смертью, приказывал сажать их по разным тюрьмам; таким образом он снова навел страх на всю страну, так что каждый был занят собственным горем и бедствием и, забывая о всех других делах, оплакивал только свои.

Борис, видя, что все совершается по его желанию, послал московским домовладельцам, которые погорели, много денег, сообразно с потерей каждого, и велел своим друзьям и слугам утешать их, соболезнуя их несчастью. Так же Борис велел от своего имени

весьма ласково утешать их, предлагая свою помощь. Царь Фёдор всех жалобщиков велел отправлять к Годунову. Он всё принимал, тщательно сохранял и прочитывал, дабы знать, что происходит во всей стране; и все получали милости и ответы от Бориса. Он развил такую деятельность, так расположил к себе, что о нем говорили повсюду и не могли достаточно нахвалиться им, желая, чтобы по смерти царя он получил корону; этого только он и желал. Борис Годунов в это время пользовался большим уважением, чем царь Фёдор, ибо он не утруждал себя ничем, кроме того, что ходил в церковь и присутствовал при богослужениях, и **Борис управлял всею землею, как глава государства, будучи над всем царем, а Федор Иванович носил только титул.**

Борис имел власть безграничную и даже царь Фёдор Иоаннович как-то сказал: *«Борис, Борис, ты взаправду слишком много позволяешь себе в моем царстве; всевидящий Бог взывает на тебе»*; это слово, поистине сказанное от чистого сердца, сильно уязвило Бориса. Годунов был так смел, что однажды дотронулся до короны, когда царь шел в церковь; Борис, шедший рядом с царем, притворно поправил ее, хотя она и не сидела криво. Этот поступок напугал жителей Москвы, ибо существует такое поверье: тот, кто дотрагивается до короны на голове царя, должен тотчас умереть.

Мария Григорьевна Скуратова-Бельская (Годунова). Неизвестный художник 18 века.

Годунов совершил еще много подобных деяний, всё это происходило на глазах народа поэтому боялись его более, чем царя.

Мы сегодня можем подумать, каким образом Борис, не умевший ни читать, ни писать, был столь ловок, хитер, пронырлив и умен. Это происходило от его обширной памяти, ибо он никогда не забывал того, что раз видел или слышал; также отлично узнавал через много лет тех, кого видел однажды; сверх того, во всех предприятиях ему помогала жена (**Мария Григорьевна**, урождённая **Скуратова-Бельская**), и она была более жестока, чем он; я полагаю, он не поступал бы с такою жестокостью и не действовал бы втайне, когда бы не имел такой честолюбивой жены.

Борис вершил все дела государства, и, кроме того, был в Москве **думный дьяк Андрей Щелкалов**, он был такой пронырливый, умный и лукавый, что превосходил разумом всех людей; Борис был весьма расположен к этому дьяку, как необходимому для управления государством, и этот дьяк стоял во главе всех дьяков во всей стране, и по всей стране и во всех городах ничего не делалось без его ведома и желания, и, не имея покоя ни днем ни ночью, работая, как безгласный мул, он еще был недоволен тем, что у него мало работы, и желал еще больше работать, так что Борис не мог довольно надивиться им и часто говаривал: *«Я никогда не слыхал о таком человеке и полагаю, весь мир был бы для него слишком мал, ему было бы прилично служить Александру Македонскому»*; к нему Борис был весьма расположен;

Еще в **конце 1597 года Царь Фёдор** впал в тяжёлую болезнь. Вот как это сказано у Н.М.Карамзина: *«Как в течение жизни, так и при конце её, Фёдор не имел иной воли, кроме Борисовой; и в сей великий час не изменил своей беспредельной доверенности к наставнику; лишаясь зрения и слуха, ещё устремлял темнеющий взор на Годунова и с усилием внимал его шептаниям»*.

В завещании Фёдор вручал Державу своей жене Ирине, а душу Святителю Иову, двоюродному брату Фёдору Никитичу Романову и шурина Борису Годунову назначил быть главными советниками трона. В 11 часов вечера Иов исповедал Царя. В 7 часов утра **7 января 1598 года Царь Фёдор Иоаннович испустил дух**, без судорог и трепета, незаметно, как бы заснул тихо и сладко.

Борис Годунов, когда собрались все Бояре напомнил им, что в России Царя нет и все должны присягнуть **Царице Ирине**, что те и сделали, целуя крест в руках Патриарха Иова. У Н.М.Карамзина- это так: *«Случай дотоле беспремерный: ибо мать Иоаннова, Елена, властвовала только именем сына-младенца: Ирине же отдавали скипетр Мономахов со всеми правами самобытной, неограниченной власти»*.

Царица Ирина Годунова. Скульптура из реконструкции.

В Пискаревском летописце находим: *«прияша власть скипетра Московского государства благоверная и христоролюбивая царица и великая княгиня Ирина... по благословению и молению отца своего и богомольца святейшаго Иева, патриарха московского и всеа Руси, и митрополитов, и архиепископов, и епископов, и по челобитью Руския державы Московского государства бояр и окольничих, и дворян и всяких чинов людей и всего православного христианства»*.

Она на малое время, покамест бог царство строит от всех мятежей и царя даст. И крест ей целоваша вся земля Расийского государства».

По предании тела земле пресеклось на троне Московском величавое Варяжское поколение, коему Россия обязана бытием, именем и величием.

В девятый день по кончине Царя объявили, что на лобном месте будет прочитана грамота, простой народ, всегда в этой стране готовый к волнению, во множестве столпился

около Кремля, шумел и вызывал царицу Ирину, жену царя Федора, сестру Бориса, домогаясь ее видеть, все кричали: *«Будь милостива к нам, будь нашей царицей: что ты потребуешь, все исполним»*.

Услышав это, царица, дабы избежать великого несчастья и возмущения, вышла на большую лестницу царского дворца и изъявила желание говорить; увидев ее, все принялись так громко кричать, что, казалось, земля и небо сойдутся вместе: *«Дай Бог здравия нашей царице»*, и тотчас все смолкли, чтобы услышать, что она скажет, и она сказала народу следующее:

«Православные! Муж мой и милостивый царь по воле Бога, Николая чудотворца и всех святых переселился из сего мира в царствие небесное, где все мы уповаем быть. Да будет вам ведомо, что при кончине Федора я должна была дать клятвенное обещание посвятить себя Богу, удалиться от мира и стать монахиней, ежели я достойна молиться о спасении его души, предков наших и всех нас. И так как я сама расположена к тому всем сердцем, то смиренно прошу вас освободить меня от этих великих тягот и мирского дела, передать управление тому, кто достоин, кому по праву надлежит принять его; так как я не желаю царствовать и хочу послушно исполнить просьбу моего покойного мужа, то прошу всех вас более не неволить меня, ибо я никогда не соглашусь; за сим усердно молитесь всемогущему Богу, дабы Он даровал вам набожного и богобоязненного владыку, который беспорочно, справедливо и ревностно управлял бы отечеством, и я тоже буду молиться всемогущему Богу, дабы он ниспослал свою милость».

Народ, услышав такую речь из уст царицы, принялся громко плакать, пал ниц и умолял ее не отказываться от престола, но все было напрасно. Она была тверда, сказав, что Государством будут править Бояре, вместе с Патриархом и в тот же день выехала в Новодевичий монастырь и под именем Александра вступила в сан инокинь.

У современника тех времён пастор Московской лютеранской церкви **Мартин Бер** вспоминает: *«После 6 недельного траура, Борис сложил полномочия жезл и скипетр, и ушёл из собрания Бояр и уехал в Девицкий монастырь к своей сестре Ирине, принять схиму и уйти в монастырь»*.

Государственный Дьяк и печатник Василий Шелканов требовал всех целовать крест Думе Боярской. Но все граждане ничего не хотели слушать и при том только кричали: *«Ни знаем ни Князей, ни Бояр, знаем только Царицу; ей мы дали присягу и другой не дадим никому, она и в Черницах мать России»*.

Дядя покойного царя, Федор Никитич, снова обратился к Борису, но тот не желал и слышать, притворялся весьма изумленным, отказывался с великой мольбой, говоря: *«Кто я такой, чтобы управлять таким несказанно большим государством, мне довольно трудно управлять и самим собою»*, и просил, чтобы его более тем не утруждали.

Великий страх обуял бояр и придворных, они все время взывали к Федору Никитичу и желали, чтобы он был над ними царем; народ меж тем повсюду кричал: *«Сохрани, Боже, царя Бориса»*; и почти все толпой побежали ко дворцу, и поклялись, и присягнули повиноваться царю Борису, как следовало верноподданным; принял от них присягу Иван Васильевич Годунов. Всей толпой московской пошли в монастырь, где Патриарх заклинал Монахиню Александру благословить её брата на Царство.

Однажды Борис, с печальным лицом направился в церковь, для того чтобы присутствовать на заупокойной обедне и принять участие во всех молитвах и церемониях по усопшем царе, народ с великим шумом бежал за Годуновым и громко кричал: *«Да здравствует наш царь и великий князь всея Руси Борис Федорович, наш царевич, сын его, Федор Борисович. Да будет он нашим государем милостивым»*; при этом падали ниц.

Годунов спрашивал у народа: *«Почто хотите вы обременить меня короной? Почто избрали вы меня в цари, самого скудоумного и ничтожного во всем государстве? Чего ради спешите выбором царя? Прежде следует помолиться за упокой души нашего благочестивого царя, а потом будет довольно времени для избрания царя из рода достойного. Теперь нет никакой надобности так спешить, когда помер царь Иван Васильевич, то по причине долгих войн земля была в великом разорении и крайней нужде, тогда, по правде, нужен был государь благочестивый и богобоязненный, и Бог нам даровал такого; во время его краткого правления с помощью наших ничтожных услуг земля вновь оправилась и разбогатела, того ради не следует спешить».*

Однако народ не хотел ничего слушать, продолжал кричать, как и прежде, показывая сильное желание иметь Бориса своим государем, а сына его – наследником; на что и все вельможи изъявили свое согласие. Но Годунов решительно отрёкся от короны.

Патриарх и Бояре ждали Великого Собора, который должен быть пройти в Москве через шесть недель после смерти Фёдора. Разослали гонцов по всей стране, списки выборных людей были использованы с прошлого Земского собора 1584 года.

Приведу ряд цитат из книги **В.Л.Черепнина** «Земские Соборы Русского государства 16—17 веков»: *«Созыв Земского собора представляется как результат общенародной инициативы „всего многобездчисленного народного христианства, от конца до конец всех государств Росийскаго царьствия“.* Главная роль в организации царского избрания отводится патриарху Иову».

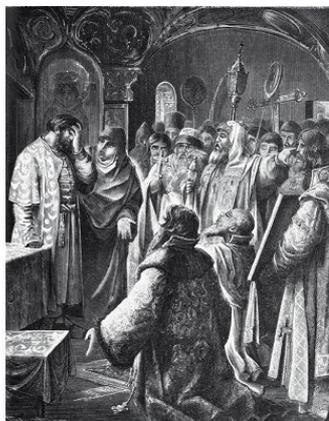
В. Н. Латкин писал в своём труде «Земские соборы древней Руси» в 1885 г. про Бориса Годунова и патриарха Иова, что они *«оказались ловкими политиками и соорудили такое представительство, которому позавидовал бы даже Наполеон III. Неудивительно, что собор без всяких прений и долгих разглагольствований избрал „государем царем и великим князем всея Руси“ Бориса Федоровича Годунова».* И далее автор замечает: *«Хитрый шурин умершего царя довел комедию до конца и достиг своей цели: шапка Мономаха была на нем, и он, незнатный потомок какого-то мурзы, превратился в могущественного самодержца всея Руси!..»*

С. М. Соловьев. в «История России с древнейших времен» подчеркивает, что Борис *«...хотел быть избран земским собором»,* ибо *«только в выборе всею землей он мог видеть полное ручательство за будущую крепость свою и потомства своего на престоле... Годунов был избран голосом всей земли... издано было соборное определение об избрании Годунова в цари».*

С. Ф. Платонов в работе «К истории московских земских соборов» 1912г. указал, что *«возможна различная оценка политики собора, но невозможно сомнение в ее правомерности и в правильности самого собора».*

Перечислю состав Земского Собора: патриарх, митрополиты, архиепископы, архимандриты, игумены, весь иноческий чин, затворники, пустынные, протопопы, иереи, весь причт церковный, весь «освященный собор», бояре, окольные, весь царский синклит, воеводы, дворяне, стольники, стряпчие, жильцы, дьяки, дети боярские, головы стрелецкие, сотники стрелецкие, всякие служилые люди, гости, торговые люди, черные люди. Всего было от 500 до 600 человек. Из них духовных лиц – 109, бояр, окольных, думных дворян, думных дьяков – 52, приказных дьяков – 30, лиц дворцового ведомства – 18 (два бараша и 16 дворцовых ключников), **военно-служилых людей по перечню (стольников, дворян, стряпчих, стрелецких голов, жильцов, «выбора» из городов)** — 267, гостей – 21, старост гостинной, суконной и черных московских сотен – 15. Одним из выборных был от казаков Дона Атаман Зимовых станиц Андрей Корела.

22 февраля 1598 года с утра начался колокольный звон по всей Москве. Все горожане, царский двор, духовенство, воинство, приказы, выборные люди городов, чернь, жёны и дети двинулись крестным ходом в Новодевичьей монастырь.

Патриарх и Борис Годунов. Художник Б. Чориков.

Народ заполнил всё Девичье поле. Патриарх Йов направился в кельи Царицы, а весь народ упал на колени с неслыханным воплем. Патриарх рыдая заклинал Царицу долго, та же вся в слезах дала согласие и сказала: *«По изволению всесильного бога и Причистыя Девы Марии возьмите у меня единокровного брата на Царство. Благословляю избранного вами и предаю Отцу Небесному, Богоиатери, Святым Угодникам Московским и тебе Патриарху и вам Бояре. Да заступит мое место на престоле!»*.

Все упали к ногам Царицы, которая печально взглянув на смиренного Бориса, дала ему повеление властвовать над Россиею. Борис изобразил неуверенность, но потом решил и сказал: *«Буди же святая воля Твоя Господи! Настави меня на путь правый и не вииди в суд с рабом Твоим! Повинуюсь тебе, исполняя желание народа»*. Все упали к ногам его. Патриарх вышедший к народу возвестил, что Господь даровал им Царя.

Море народа, плакало и веселилось обнимая друг друга. Борис вслед за Духовенством вошёл в храм Новодевичьей обители, где Патриарх благословил его на Государство Московское и всея России, нарёк Царём и возгласил ему первое многолетие.

В Кремле, в разных местах, были выставлены для народа большие чаны, полные сладким медом и пивом и каждый мог пить сколько хотел, ведь на это русские мастера, а более всего пили водку. Во время всеобщей радости царь приказал выдать тройное жалованье всем высшим чинам, дьякам, капитанам, стрельцам, офицерам всем, состоявшим на государственной службе. Одна часть жалованья выдана была на поминание усопшего царя, называлась она Поминания т. е. память, другая-по случаю избрания царя, третья-по случаю похода и нового года, и все по всей стране радовались, ликовали и благодарили Бога за то, что Он даровал им такого государя, усердно творя за него молитву во всех городах, монастырях и церквах.

Земский собор. Художник С. В. Иванов.

Из книги **В.Л.Черепнина**; *«Бориса избрал собор, и в его царствование этот орган сословного представительства принимал участие в некоторых актах внутренней и внешней политики. Собор, по-видимому, не был распущен сразу после коронации Бориса Годунова: 1 апреля пришло донесение Воеводы Оскольского, что пленник взятый козаками за Донцом в шишке с толпою Крымских разбойников, говорит о намерении Казы-Герее вступить в пределы московские со всею Ордою и с 7 тыс. Султанских воинов.*

20 апреля 1598 г. Борис доложил на Соборе о подготовке к серпуховскому походу. Об этом узнаем из разрядной книги, где читаем:

«...царь говорил патриарху Иеву московскому и всея Руси, и митрополитом, и архиепискупом, и епискупом, и всему освященному собору, и бояром, и приказным людям, и дворяном: вести учинилися, писали к нам из Белагорода воеводы вести, что недруг наш крымский царь Казы-Гирей идет на наши украины. И яз за светые божие церкви и за православное христианство иду против недруга своего крымскова царя Казы-Гирей в Серпухов, и на Тулу, и на поле, где он будет, на прямое дело».

В мае 1598 г. назначено было собраться всем на реке Оке, куда со всех сторон стеклось такое войско, какого еще никогда не было у московского князя, ибо с царем («сам в ратном доспехе») явились из Москвы бояре, дворяне, придворные, офицеры и стрельцы, всего **тридцать тысяч** человек при **пятистах тысяч воинов**, готовых к бою; и лагерь простирался на 5 миль в длину и 5 миль в ширину по квадрату; сверх того, вдоль реки Оки были расставлены пушки и к прибытию царя посреди лагеря разбили целый город из шатров, где были залы, канцелярии, башни, конюшни, кухни, церкви – все так искусно устроено, что издали принимали его за красивый город; и войско было так неимоверно велико, что поистине нельзя было и представить. Под Серпухов прибыл Борис со всем своим двором, оставив в Москве Царицу с дочерью и юным Фёдором и патриарха Иова, оберегавшего московские святыни, и Дмитрия Ивановича Годунова, оберегавшего в Москве царский престол.

Из книги **Н.М.Карамзина**: *«10 Маия, в селе Кузминским, представили Царю двух пленников, Литовского и Цесарского, ушедших из Крыма; они уверяли, что Хан уже в поле и действительно идёт на Москву».*

Всадник. Старинная гравюра, неизвестный художник 18 век.

Борис разослал грамоты *«спросить о здравии»* всех Воевод, Сотников, Дворян, Стрельцов и Козаков, по всей России, такая же пришла и на Дон: ***«Я стою на берегу Оки и смотрю на степи: где явятся неприятели, там и меня увидите».***

Борис ежедневно осматривал полки и дружины, приветствовал и знакомился с начальниками и рядовыми, угощал обедами всякий раз не менее 10 тысяч за столами, на серебряных блюдах.

В течение шести недель войска выезжали в поле на смотры и каждый старался отличиться перед царем: кто верховною ездой, кто оружием. Слухи о неприятеле вдруг замолкли, тишина царствовала на берегах Донца. 18 июня в южные приделы явились мирные послы от Казы-Гереея. Крымцы действительно собирались походом на Русь, но их разведка донесла о таком большом войске и поменяли решение.

Конница. Старинная гравюра, неизвестный художник 18 век

Княжич. Старинная гравюра, неизвестный художник 18 век

Прибыв в лагерь, посол Мурза Алей весьма удивился драгоценным украшениям, блестящими панцирями носимым московскими воинами их отличном вооружении, 29 июня вокруг лагеря «заговорили» до 100 пушек. Послы шли в шатёр к Борису издали пешком через строй Московского воинства. Царь сидел на троне в доспехах и золотом шлеме, вокруг располагалось большое число князей и царевичей, то же не блестящих доспехах с мечами и топорами. От такого блеска у Мурзы Алея и его людей прошёл не большой озноб. Они сказали Борису что Хан желает вечного союза с Россией, возобновляя договор, заключённый с предыдущим царём «будет в воле» Борисовой.

Послов угостили пышно и отправили наших дьяков для утверждения новой союзной грамоты. После к Борису в лагерь пришло духовенство с крестами и хоругвями просить его возвратиться в Москву, каковую просьбу он исполнил и распустил все войско; все ратники отправлены были по домам, только один отряд иноземцев был послан на быстрых конях в степь, в татарскую сторону, дабы очистить землю от некоторых возмутившихся казаков; они возвратились, не найдя никого, и царь обещал заплатить тройное жалованье после венчания. И каждый возвратился к себе домой.

Но вернёмся на Дон. В начале **апреле 1598** года атаман Андрей Корела вернулся из Москвы, куда он ездил на Земский Собор и выборы Царя Бориса Годунова. Борис ещё до окончания работы Земского собора срочно отправил Корелу на Дон, провести разведку по Азовским землям, и доложить в Москву. Пленник схваченный Донскими Козаками сказывал, что крепости Азов было предписано подготовиться к возможным боевым действиям. Срочно ускакал гонец в Москву.

Немного хочу затронуть как передвигались по Руси. Существовали так называемые «военно-дозорные дороги». Они шли по шляхам (Муравскому, Изюмскому), положенным и протоптанным вдоль рек. Главная, протоптанная из Москвы к Крымскому хану, шла по левой стороне Донца. Она входила в Дикое Поле, возле речки Деркула, после шла вдоль течения рек Глубокой и Калитвенец к Сокольным горам. За Сокольными горами, за речкою Быстрою лежал первый казачий городок **Раздоры Верхние**. Следующий городок **Нижние Раздоры**, или «первая станица атаманская» находились под Кобяковым городищем.

Летом 1599года началось строительство крепости **Царёв-Борисов**, была необходимость создания опорных пунктов для станично-сторожевой службы в Диком Поле, а также

стремление пробить коридор к донским и казацким городам южного Дона (прежде всего к Раздорам), чтобы отделить орды, кочевавшие к востоку от Северского Донца, от кочевавших в Северном Причерноморье.

Царь Борис Годунов дал приказ воеводам Богдану Бельскому и Семёну Алфёрову незамедлительно начать строительство. *«Придя на место городъ обложитъ по чертежу и по росписи каковы им чертеж и роспись даны. И велети плотникомъ городъ рубити и делати не на спех, а делати имъ городъ образцомъ какъ пригоже то государь царь и великий князь Борис Федоровичъ всея Руси положилъ на окольныхъ и воеводе на Богдане Яковлевиче. А башни делати круглые или четверугольные смотря по месту какъ государеву делу прибыльнее и крепче и прочнее... а делати имъ городъ изъ загородью въ две стены а меж бои техъ стенъ была сажень косая да третья стена делати внутри... а делати имъ городъ такъ чтобы ево глиною обмазать мочно... а самимъ имъ у городского дела быть неотступно день и ночь беспрестанно чтобъ имъ прося у Бога милости городъ заделати крепко вскоре да и тайникъ имъ въ городе зделати присмотря место к озеру или к реке и в городе сделать колодезь. Если колодезь в городе сделать нельзя, то сделать подкоп».*

Благодаря энергии воеводы Бельского Царёв-Борисов был возведён в кратчайшие сроки, но сначала он построил себе терем не хуже царского. Согласно росписи, **Царёборисовская крепость** имела 3 башни с воротами и ещё 6 глухих башен и 127 срубов с общей длиной стен между башнями в 397 саженей.

Стены крепости строились из соснового леса, были двойными и составляли 4 сажени в высоту. Вокруг стен располагались вал и ров. Население крепости в 1600 году составляло 2955 человек, среди них 2 выборных головы, 46 выборных дворян, 214 детей боярских, около 1500 конных стрельцов, казаков и иноземцев с пищальями (в том числе, около 100 черкас), 500 пеших стрельцов с пищальями.

Население крепости находилось в постоянном движении, одна партия служилых людей приходила на смену другой.

На карте видим расположение крепости Царёв-Борисова на месте впадения реки Оскол в Северский Донец, поляки называли его **Borissa goroda**, так же видим на Дону **Атаманский городок Ебок** или позже **Стыднов**, и другое название **Стыдное имя (Ieboc vol Attamanskoï Gorod**, у Мёртвого Донца), выше находится Красный Яр или **Монастырский городок (Krasnoy Yair)**, далее **Черкасск, Маныч, Бесергенов** ещё выше **Раздоры (Rosdoria)**.

Позже дьяки Посольского приказа, давая сведения составителям карты, сочли неудобным называть неупотребительное имя городка Ебок и заменили его другим, соответствовавшим его роли-Атаманский городок. Здесь на высоком месте происходил Войсковой суд, рассматривали споры между городками, наказывали провинившихся казаков (били плёткой указанное количество раз). В народе остались слова *«пороть будут»* или по казачьи *«ебокатъ»*, а по нынешнему сленгу ещё срамней глагол существует.

Путь с Дона в Москву. Фрагмент карты 17 века.

Дорога на Москву по степи шла через Дикое поле вдоль реки Оскол, выше видим другой укрепленный пункт крепость Волуйка (Wolouca). На реке Сосне ещё одна деревянная крепость Лесина (Lesina).

«Казачьи городки судимы все тут, и атаман, и есаул, и дьяки тут бывают. От Стыднова до Азова 50 вёрст Доном-рекою, а степью 25 вёрст. Съезжаются казаки из всех городков, часовня тут, попов по 10 и больши и дьяконы. А съехався, живут до Петрова дни (до конца июня), потом разъезжаются по городком».

Позже казачий городок Ебок постигла катастрофа, его разорили турки с Азака. Из бумаг, связанных с посольством П. Мансурова видим: *«едва Мансуров отплыл из Азова, как беспокойные жители сего города стали нападать на донские юрты: в воровском набеге разорили передовой острожек, взяли в плен несколько казаков и после на площади казнили 50 человек. Загорелась война сильнее прежнего; оскорбленные казаки пустились на разорения: одни опустошали посады азовские, другие громили корабли и каторги на морском заливе».*

Осенью большая партия казаков... разорив по берегам Черного моря многие селения, приступила к Трапезонту, истребила там посад и с добычею возвратилась на Дон»

Города и крепости: Азов, Ебок, Красный Яр, Черкасский, Маныч. Бессергенов, Раздоры. Фрагмент карты 17 века.

Но вернёмся к воеводе Богдану Бельскому. С этим московским правителем наладили хорошие контакты казаки Дона, хоть им и не нравилось приближение московского царства к своим границам.

Андрей Корела часто навещался в крепость, где наводил нужные взаимоотношения с Бельским по поводу продовольствия и стал ему товарищем. Как-то раз они обсуждали Бориса и этот разговор «наушники» передали в Москву. Из-за слов Бельского по пьянке «**Борис в Москве царь, а я в Царёве-Борисове!**» он вновь был обвинён в измене и вызван на суд в Москву. Там один из телохранителей Годунова по имени Габриель, по приказу хозяина выщипал Бельскому всю бороду «по волоску». Богдан Бельский был приговорен к лишению чести чинов и владений, и отправлен в ссылку «*на Низ в тюрьму*». Вот такое отношение Царя к своим подчинённым портило его репутацию у народа. Донские атаманы задумывались над выкрутасами московского правителя, выходило что и они могут очутиться на месте Бельского.

Намного позже уже в **1643 г.**, во время мощного турецкого наступления в низовьях Дона, Ебок был взят и уничтожен азовцами. 22 апреля этого же года погиб Маноцкий городок, через неделю пали Монастырский и Черкасский городки, и тогда же, как свидетельствует Отписка 1644 г., «азовские татаровя... с турскими людьми поймали в городке Эбке казачьих жён и детей». Тогдашнему составу Войска Донского пришлось временно отступить с Нижнего Дона к Раздорам. Во времена **атамана Андрея Корелы** такое никогда бы не случилось, казачья воля была намного сильнее и прочней, и руководители были намного пассионарнее, чем следующие поколение.

Казачий пост. Гравюра 17 века. Неизвестный художник.

Историк **Пётр Краснов** в своей книге «Исторические очерки Дона», так пишет о казацких городках: *«Казаки ставили свои городки по течению больших рек. Городки эти были окружены тыном и терновыми плетнями, перед которыми были глубокие рвы. За тыном, ближе к городку, были валы с деревянными башиями по углам. Внутри такой крепости стояли большие избы, помещавшие по несколько десятков казаков. Иногда весь казачий городок состоял всего из нескольких таких изб-казарм. Возможно, что название Пятиизбянской станицы произошло от того, что когда-то в ее городке стояло только пять изб-казарм. Это были в полном смысле военные станы с военным устройством. Этого требовала суровая жизнь в степи, где казаки были окружены врагами-татарами».*

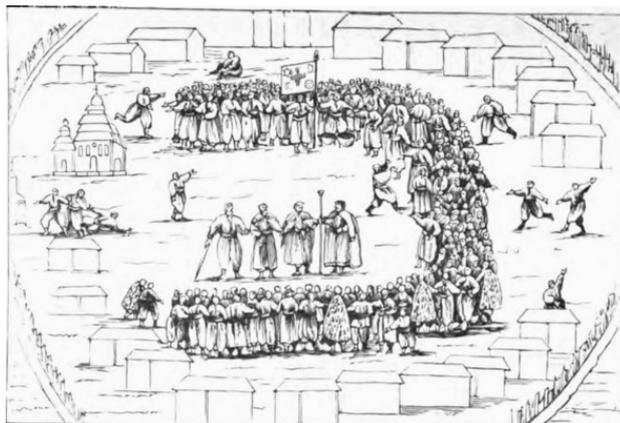

Казачий городок. Неизвестный художник 18 века.

И ещё одна цитата от него: *«К началу XVII века Войско Донское было настолько многочисленным, что нужно было выработать правила о том, кто же может избирать и законодательствовать в Войске?»*

Те времена, когда все войско едва насчитывало пять тысяч человек, прошли. Тогда действительно все казаки войска съезжались в Круг, чтобы избирать из своей среды атамана и вершить свои дела войсковые всем войском. Теперь в войске было много разного народа. Были казаки и были люди случайные, приезжие из России, были пленные -ясыри. Были жещины, чего раньше не было, были и прирощенные казаки разного возраста и нужно было определить права всех этих людей».

Ещё у одного знатока Дона **Г. Губарева** в «Казачем историческом словаре» находим сведения как собирался и действовал в те времена Казачий Круг: *«В начале января каждого года Круг избирал Войскового атамана, его двух помощников – есаулов и судей, которых власть и юрисдикция распространялись не только на вооруженные силы, но и на гражданскую жизнь края. Местных атаманов, городских, станичных, поселковых избирало само население в те же сроки. Походные атаманы назначались по выбору отрядов. Полковые головы, сотники и пятидесятники выдвигались самими полками и сотнями из людей авторитетных и опытных в боевых делах. Каждый атаман и каждый начальник в походной обстановке обладал непререкаемой властью и получал больший пай в добыче, чем другие бойцы, но в мирное время должен был весьма считаться с мнением общества, избравшего его, а сложив полномочия, становился рядовым гражданином. Постановления Войсковых Кругов могли отменять и изменять Крути Валовые. Они собирались в особенно важных случаях и состояли из лиц, специально для этого избранных населением. Ожидалось возвращение отрядов, бывших в походах, и тогда съезжались „всех рек Казаки“, Валовой Круг, своего рода. Высшая Палата, Конгресс, который решал дела совместно с Войсковым Кругом. Вообще же весь строй жизни Донских Казаков был приспособлен к войне; все учреждения их назывались „войсковыми“, а удовлетворение насущных потребностей гражданских и экономических зависело от положения на фронтах обороны, как и в каждой другой осажденной стране».*

Войсковой Казачий Круг. Старинная гравюра 17 века. Неизвестный художник.

Такое положение на Дону понимали бояре и дьяки в Москве, а потому грамоты всегда адресовались Войску: *«Донским атаманам и Казакам, и всему Великому Войску»*.

На Круг никогда не допускались женщины. Молодой парень мог получить звание «служилого» только с 19 лет, до этого рождённые на Дону назывались «малолетками», а пацаны до 18 лет «выростками». Во время проведения Круга была запрещена продажа водки и строго следили за этим *«к обещанию придет пьян и такому человеку, и продавцу вина учинено будет жестокое наказание»*.

Донской войсковой атаманъ въ парадномъ кафтанѣ

Войсковой Атаман. Гравюра 17 века. Неизвестный художник.

Ещё одна цитата из Краснова: *«Участники Круга становились на площади «кругом», оставляя в середине место для атамана. Когда Круг был «сбит», то есть собран, из ста-*

ничной избы выходил атаман с насекою в руке, за ним шли избранные Кругом старшины и несли за ним Войсковые знамена.

Как только атаман покажется на площади, есаулы кричали «есаульскими» голосами:

– Помолчите-те ста, атаманы молодцы.

Круг стихал. Атаман входил на середину и становился под знаменем. Он снимал шапку и сейчас же все казаки обнажали головы, показывая этим уважение к месту и к случаю.

Обычным обращением атамана к кругу было:

– Атаманы молодцы и все великое Войско!

Дальше коротко ставился вопрос, подлежащий решению Круга и предложение атамана, как он решил это дело, и спрашивал атаман:

– Любо-ль? Не любо?

Обычно Круг отвечал коротко:

– Любо!

– Не любо! Или: – если это касалось приговора о каком-нибудь преступнике:

– В куль да в воду!

Если о каком-нибудь новом деле, то отвечали:

– Бог в помощь!

– С Богом!

Если не было единогласного ответа, но слышалась разногласица, есаулы спрашивали, обращаясь в разные стороны:

– Все ли так соизволяют?

Каждый из участников Круга мог говорить на Кругу и высказывать свое мнение. Для этого он должен был выйти в середину майдана и стать против атамана».

Круг избирал все управление войском: Войскового Атамана, Войсковых Есаулов, Войскового Дьяка (писаря), Войскового Толмача и Подтолмача для сношений с турками, татарами и калмыками. Круг выбирал атаманов, есаулов Зимовых и Лёгких станиц, выборных Посыльщиков. Войсковых старшин и казаков, посылавшихся по донским городкам для разбора на месте различных дел местного значения. Выбирались так же Походные Атаманы и Полковники при отправлении всего ли войска или только части его в поход. Если в поход уходил и сам Войсковой Атаман, то на время его отсутствия из Войска Круг выбирал ему заместителя Наказного Атамана. Избирался Войсковой Атаман на один год. С выбором атамана никогда не было недоразумений. После Нового года новый атаман был уже намечен. Казаки знали друг друга хорошо и на сходках примечали, кто отличился храбростью в походах или умелым ведением войсковых дел, их и избирали, почти всегда единогласно.

Казаки. Гравюра 18 века. Неизвестный художник.

Так и **Андрей Корела** к своему избранию на пост **Войскового Атамана** в **сентябре** (праздник Новый год встречали 1 сентября и только при Петре стали праздновать 1 января) **1600 года** (ему уже почти 50 лет) прошёл все стадии в иерархии Великого Войска.

Он был *«подталмачём»* потому что с молодости мог говорить по-шведски и понимал польский язык, немного читал на латыни. Одно время избирался *«посыльщиком»*. Андрей Корела избирался и Атаманом Зимовой станицы, исполнял дипломатические и представительские функции (глава казачьего посольства), помним, что два раза был на Земских соборах в Москве, первый раз при Фёдоре Ивановиче в 1584 году. Вероятно, что Корела на посту Войскового Атамана был выбираем три раза это 1600, 1601, 1602 года, так как больше не сохранилось никаких сведений про других выборных атаманов. Только в 1603 году избран Войсковой атаман **Смага Чертенский** (Иван Степанович, *«смага»* значит чёрный, как копоть), который по какой-то причине вначале сильно кодировался и назывался *«донским Низовым атаманом Ивашкой Степановым»*, когда приходил в 1605 году в Тулу, он имел звание походного атамана.

Из этого можем предположить, что **Андрей Корела и Михаил Межаков** уехали в **Краков** не позже **августа-сентября 1603 года**. Но это будет позже, а наступают труднейшие времена в жизни Донских казаков и всех жителей России.

Крымский хан Казы Гирей жаловался, через своего посла Ахмета Челибея Московскому Царю Борису Годунову: *«Вы на правде не стоите: донские казаки дважды уже на нашу землю приходили и улусы наши пограбили»*. Далее хан сетовал на возведении на южных русских рубежах новых крепостей и засечных линий. На это хитрый Борис отвечал:

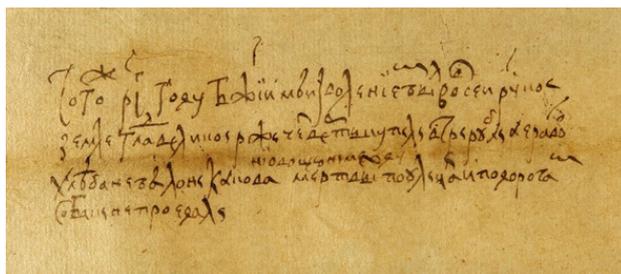
«Города поставлены на Поле для воров черкас, потому что многие воры черкасы и донские казаки послов и гонцов громили, а как те города поставлены, то теперь послам, посланникам и гонцам дорога чиста, государя вашего улусам от тех городов убытка нет, а только прибыль, что уже тут воры-черкасы больше не живут». Сам же уже платил жалование Донским казакам и снабжал порохом и селитрою.

Атаман Корела со своими донскими казаками в коалиции с запорожскими казаками, в смелом набеге погромили **Карасанский улус**. Казы Гирей, узнав об этом, потребовал от прибывшего посла **Борятинского**, чтобы тот или сам поехал и унял донцов, и забрал у них захваченных в плен татар, или послал кого-либо с этим на Дон. Но Борятинский прекрасно понимал, что не сможет унять Войско Донское от набегов, иногда под *«прекрытием»* послушавшееся указы царя. Борятинский, будучи человеком мужественным, на все выговоры и упрёки хана и его окружения, дерзко отвечал: *«... у вас есть сабля, а моё дело сноситься с ханом, а не с ворами – казаками»*.

Эти года 1598—1600 были самым расцветом царствования Бориса и всего Дона, в частности. Но как говорит народная пословица о жизни в виде тельняшки *«полоска белая, полоска чёрная»*. Вот так в Руси среди естественного обилия и богатства земли плодородной, населённой хлебопашцами трудолюбивыми, среди долговременного мира и в царствование деятельное, пала на Русский народ казнь страшная.

Из Н. М. Карамзина: *«весною в 1601 году небо омрачилось густою тьмою и дожди лили в течение 10 недель непрестанно так, что жители сельские пришли в ужас: не могли ничем заниматься, ни косить, ни жать; а 15 августа жестокий мороз повредил как зелёному хлебу, так и всем плодам незрелым. Ещё в житницах и в гумнах находилось не мало старого хлеба; но земледельцы, к несчастью, засеяли поля новым, гнилым, тощим и не видали всходов, ни осенью, ни весною; всё истлело и смешалось с землёю»*.

Вот настоящая грамота из Российского государственного архива древних актов. Ф. 1192. Иосифо-Волоколамский монастырь. Оп. 2. №12. Л. 135.

Фрагмент из документов РГАДА.

«Того ж 7110-го году божшим изволением был во всей Русской земле глад великой: ржи четверть купили в три рубли, а еравого хлеба не было никакова, ни овощу, ни меду; мертвы ж по улицам и по дорогам собаки не проедали».

В записи описан постигший Россию в начале XVII в. страшный голод, длившийся три года. Причиной голода стали теплая зима 1600/1601 г., проливные дожди летом 1601 г. и наступившие вслед за этим ранние (летние) жестокие морозы. Голод оказал огромное влияние на обострение социальных противоречий внутри страны.

Осенью 1601 г. начали резко подниматься цены на сельскохозяйственные продукты. Тогда же последовал указ Бориса Годунова об установлении государственных цен на хлебную продукцию и пресечении спекуляции хлебом. Однако правительству не удалось достичь поставленных целей. Цены не снижались, бедняки отнимали хлеб у продавцов и часто убивали их. Положение ухудшилось летом 1602 г., когда ни озимые, ни яровые посевы не дали всходов. Небывалых размеров достигла смертность (около трети всего населения). В Москве от голода погибли более 120 тысяч человек, что объяснялось притоком сюда огромных толп из окрестных городов, сел и деревень. Современники между тем отмечали наличие больших запасов хлеба у знати и зажиточных людей, в царских и монастырских житницах. Процветали спекуляция и ростовщичество. Государственные меры по прекращению голода почти не дали результатов, что привело к массовым восстаниям бедняков и голодных крестьян, и холопов.

Приведу лучше цитату очевидца из книги «Краткое известие о начале и происхождении современных войн и смут в Московии, случившихся до 1610 года за короткое время правления нескольких государей» **Исаака Массы** (голландский торговец, находился в Московском государстве в 1601—1609 гг.). Это надо просто читать и думать.

«В то время, по воле божией, во всей московской земле наступила такая дороговизна и голод, что подобного еще не приходилось описывать ни одному историку. Даже голодные времена, описанные Альбертом, аббатом Штаденским и многими другими, нельзя сравнить с этим, так велик был голод и нужда во всей Московии. Так что даже матери ели своих детей; все крестьяне и поселяне, у которых были коровы, лошади, овцы и куры, съели их, невзирая на пост, собирали в лесах различные коренья, грибы и многие другие и ели их с большой жадностью; ели также мякину, кошек и собак; и от такой пищи животы у них становились толстые, как у коров, и постигала их жалкая смерть; зимою случались с ними странные обмороки, и они в беспямятстве падали на землю. И на всех дорогах лежали люди, помершие от голода, и тела их пожирали волки и лисицы, также собаки и другие животные».

В самой Москве было не лучше; провозить хлеб на рынок надо было тайком, чтобы его не отняли силой; и были наряжены люди с телегами и санями, которые каждодневно собирали множество мертвых и свозили их в ямы, вырытые за городом в поле, и сваливали их туда, как мусор, подобно тому как здесь в деревнях опрокидывают в навозные ямы телеги с соломой и навозом, и когда эти ямы наполнялись, их покрывали землей и рыли новые; и те, что подбирали мертвых на улицах и дорогах, брали, что достоверно, много и таких, у коих

душа еще не разлучилась с телом, хотя они и лежали бездыханными; их хватали за руки или за ноги, втаскивали на телегу, где они, брошенные друг на друга, лежали, как мотовила в корзине, так что поистине иные, взятые в беспамятстве и брошенные среди мертвых, скоро погибали; и никто не смел подать кому-нибудь на улице милостыню, ибо собиравшаяся толпа могла задавить того до смерти.

Исаак Масса. Художник Франс Халс 1635 год.

И я сам охотно бы дал поестъ молодому человеку, который сидел против нашего дома и с большой жадностью ел сено в течение четырех дней, от чего надорвался и умер, но я, опасаясь, что заметят и нападут на меня, не посмел. Утром за городом можно было видеть мертвых, одного возле кучи навоза, другого наполовину съеденного и так далее, отчего волосы становились дыбом у того, кто это видел.

Иные московиты, имея запасы года на три или на четыре, желали продления голода, чтобы выручить больше денег, не помышляя о том, что их тоже может постичь голод. Даже сам патриарх, глава духовенства, на которого смотрели в Москве как на вместилище святости, имея большой запас хлеба, объявил, что не хочет продавать зерно, за которое должны будут дать еще больше денег; и у этого человека не было ни жены, ни детей, ни родственников, никого, кому он бы мог оставить свое состояние, и так он был скуп, хотя дрожал от старости и одной ногой стоял в могиле. Столь удивительно было наказание божие; это наказание было столь велико и удивительно, что ни один человек, как бы ни был он хитроумен, не мог бы описать его. Ибо запасов хлеба в стране было больше, чем могли бы его съесть все жители в четыре года, и они были прожорливее, чем в сытые времена, и ели, если у них было, много более, чем обыкновенно; постоянно страхась нехватки, они беспрестанно ели и никогда не могли насытиться; у знатных господ, а также во всех монастырях и у многих богатых людей амбары были полны хлеба, часть его уже погнила от долголетнего лежания, и они не хотели продавать его; и по воле божией царь был так ослеплен, невзирая на то что он мог приказывать все, что хотел, он не повелел самым строжайшим образом, чтобы каждый продавал свой хлеб. Хотя он сам каждый день раздавал милостыню из своей казны, но это не помогало.

Многие богатые крестьяне, у которых были большие запасы хлеба, зарыли его в ямы и не осмеливались его продавать; другие же, продававшие и получавшие большие деньги, из страха что их или задушат, или обкрадут, повесились от такой заботы в своих собственных домах.

Царь Борис от доброго усердия повелевал раздавать милостыню во многих местах города Москвы, но это не помогало, а стало еще хуже, чем до того, когда ничего не раздавали: ибо для того, чтобы получить малую толику денег, все крестьяне и поселяне вместе с женами и детьми устремились в Москву из всех мест на сто пятьдесят миль вокруг, усугубляя нужду в городе и погибая, как погибают мухи в холодные дни.

Смерть в дороге. Художник С. В. Иванов

Оставляя свою землю невозделанною, они не помышляли о том, что она не может принести никакого плода; сверх того, приказные, назначенные для раздачи милостыни, были воры, каковыми все они по большей части бывають в этой стране; и сверх того, они посылали своих племянников, племянниц и других родственников в те дома, где раздавали милостыню, в разодранных платьях, словно они были нищие и наги, и раздавали им деньги, а также своим потаскухам, плутам и лизоблюдам, которые также приходили, как нищие, ничего не имеющие, а всех истинно бедствующих, страждущих и нищих давили в толпе или прогоняли дубинами и палками от дверей; и все эти бедные, калеки, слепые, которые не могли ни ходить, ни слышать, ни видеть, умирали, как скот, на улицах; если же кому-нибудь удавалось получить милостыню, то ее крали негодяи стражники, которые были приставлены смотреть за этим. И я сам видел богатых дьяков, приходивших за милостынею в нищенской одежде.

Всякий может себе представить, как шли дела. Хлеб, который в этой стране пекли, не обращая внимания на вес, было приказано выпекать определенного веса по определенной цене; тогда пекари для увеличения тяжести пекли его так, что в нем было наполовину воды, от чего стало хуже прежнего, и хотя некоторых наказали смертью, это не помогало. Голод, бедствия и ожесточение людей были слишком велики.

Также рассказывали о необыкновенных кражах, совершавшихся с диковинною ловкостью на рынках, о том, что на рынках и в толпе уводили лошадей, даже у тех, которые вели их за узду, и много подобных историй. На дорогах было множество разбойников и убийц, а где их не было, там голодные волки разрывали на части людей; также повсюду тяжёлые болезни и моровое поветрие. Одним словом, бедствия были несказанно велики, и божия кара была так удивительна, что ее никто надлежащим образом не мог постичь. Однако люди становились чем дальше, тем хуже, вдавались в разбой и грабежи все более, ожесточились и впали в такое коснение, какого еще никогда не было на свете; и такая дороговизна хлеба продолжалась четыре года, почти до 1605 г».

Голод в Москве. Старинная гравюра 18 века. Неизвестный художник.

Мартин Бер лютеранин вспоминает: *«люди валялись на улицах, летом щипали траву и ели, зимою ели сено, ели так же навоз, голодные люди ели детей, хозяева убивали гостей, мясо человеческое мелко рубленное продавалось на рынках за говяжье, в пирогах».*

Яков Маржерет, француз, телохранитель Годунова пишет в воспоминаниях: *«я сам видел ужасное дело, 4 женщины, мои соседки, быв оставлены мужьями, решились на следующий поступок: одна пошла на рынок и сторговала воз дров, зазвала крестьянина на свой двор, обещая дать ему деньги: но лишь только он сложил дрова и явился в избу для получения платы, женщины удавили его и спрятали тело в погреб, что бы не повредилось; сперва хотели съесть лошадь убитого, а потом приняться за труп. Когда же преступление обнаружилось, они признались, что умерщвлённый крестьянин был уже третьей жертвой».*

Борис велел отворить Царские неприкосновенные запасы в Москве и других городах, убедил Духовенство и Вельмож продавать свои хлебные запасы по малой цене. Царь так же распечатал государственную казну, в специальных загородках лежали кучи серебряных монет для бедных. Днём выдавали народу две морковки, деньгу или копейку. Прознав такое народ со всех окрестностей пошёл в столицу, земледельцы шли с жёнами и детьми, умножая число нищих. Казна раздавала в день несколько тысяч рублей, но голод усиливался и достиг крайности. Везде шатались полумёртвые, падали, умирали на площадях.

На верхней гравюре видим, что не царь, не бояре, не стрельцы не могли уменьшить этот хаос. Царь за счёт казны хоронил умерших людей. Приставы ездили по городу собирали умерших, обмывали, заворачивали в белый материал, обували в красные башмаки и вывозили за город в три скудельницы. Пишут, что в одной Москве умерло до полумиллиона человек. Царь скупал в дальних местах страны хлеб за счёт казны и раздавал в бедственных регионах. Обозы шли по стране под охраной стрельцов. опасаясь нападения голодных. И только в 1603 году снова явилось обилие.

За период голода очень сократилось численность населения. Оскудела казна, но перед послами иноземными Годунову приходилось устраивать театр, показывать, что в стране всё хорошо и полно достатка.

Борис начал строить каменный Кремль и множество церквей. Воздвиг колокольню Ивана Великого, построил две каменные палаты Грановитую и Золотую.

Царь Борис Федорович Годунов. Художник Б. А. Зеленский. из труда А.В.Висковатова «Историческое описание одежды и вооружения российских войск».

Летописцы так говорят о Борисе: *«Изливая на бедных щедроты он в золотой чаше подавал им кровь невинных, да пьют во здравие; питал их милостынею богопротивною. расхитив имение Вельмож честных, и древние сокровища Царские осквернив добычею грабежа».*

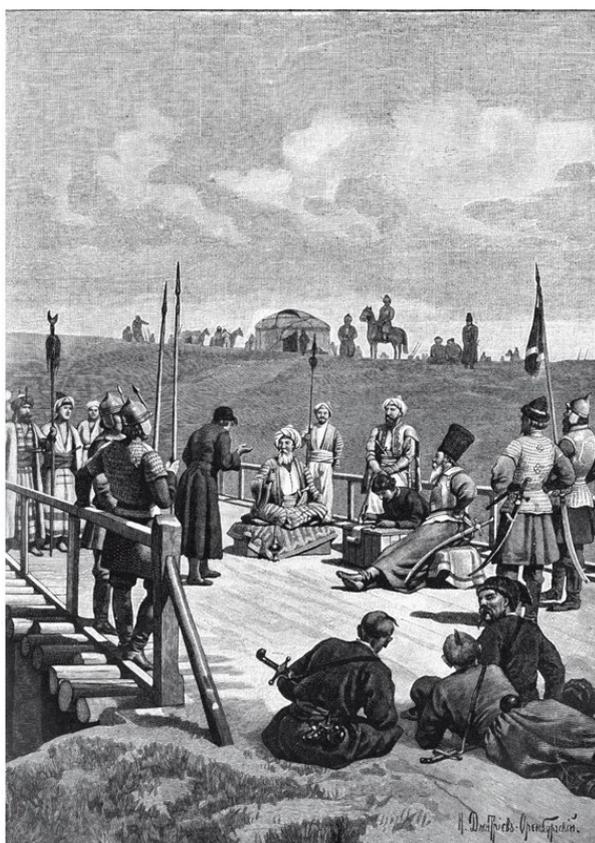
На дорогах страны образовались шайки людей, которые начали грабить более богатых людей. Не боялись сыскных дружин воинских. смело бросались с ними в бой имея атамана Хлопка. Основу таких сообществ составляли холопы, сбежавшие из усадеб по причине страшного голода и ярма. **Хлопок Косолап** сумел сформировать крупную дружину, что она стала основой вооруженного восстания крестьян. Основные силы повстанцев направлялись к Москве, но были разбиты **9 сентября 1603 года** царским войском под начальством воеводы И. Ф. Басманова, который в этом бою был убит. Сам Хлопко был тяжело ранен, взят в плен и впоследствии повешен. Часть повстанцев бежала на Сечу, часть на Дон.

Атаман Косолап. Художник В. Поляков.

В это же время главным воеводой в **крепости Царёв-Борисов** был назначен **окольный князь Андрей Хворостинин**, а вторым воеводой князь Гагарин. Снабжение этого укрепленного района велось регулярно, он опекался московскими властями. Сюда регулярно приходили пополнения ратных людей и боеприпасы. Андрей Корела имел хорошие взаимоотношения с Андрей Ивановичем Хворостининым по **прозвищу Старко**.

Вот на этой картине Николая Дмитриева-Оренбургского хорошо виден момент, когда Старко разговаривает с ханским послом. Видно, как одеты московские воины и казаки, как работает писарь и толмач.

Князь Хворостинин разговаривает с турецким послом. Художник К. Дмитриев-Оренбургский.

С князем Хворостининым у Андрея Корелы было много общего, они ещё в молодости воевали против поляков и шведов, было что вспомнить. Князя Хворостинины вели свою родословную ещё от Рюрика и который умер в городке Корелы, а так как два Андрея были тёзки и одногодки им было много о чём поговорить. На фоне этих дружелюбных отношений конечно хитрый Корела покупал у воеводы оружие и порох, пока «доброжелатели» не наступали в Москву. У Корелы были связи с Рязанским краем с Боярином Захаром Ляпуновым, он посылал на Дон «заповедные товары» т.е. оружие и вино.

Уже позже, когда Корела ушёл в Краков в *феврале 1604 года* по распоряжению Годунова в Царёве-Борисове происходило разбирательство, *кто из воевод снабжает донских казаков товарами и оружием в обход государственной казны*. Андрея Ивановича отозвали в столицу, где он от гонений и переживаний позже умер. Такому же расследованию подвергся и Ляпунов.

В Царёве-Борисове стояло около 500 дворовых столичных стрельцов, которые приняли участие в аресте «*стукача*» воеводы из-за которого убрали Старко. Эта крепость была в числе первых городов, отложившихся от Годунова в 1604 году, за ней отложились следующие окрестные крепости: Белгород, Оскол, Воронеж, Валуйки. Это Михаил Межаков на обратном пути из Кракова рассказывал им про выжившего царевича Дмитрия Ивановича, стрельцы первыми поддержали Корелу и Донских казаков и пошли на Путивль, вместе с **атаманом Посником Лунёвым**, где влились в армию Корелы и присягнули на верность Лжедмитрию.

Но вернёмся назад в Москву, в **1600 год** ожидали **великое посольство из Польши**, чтобы на несколько лет заключить мир и начать жить в дружбе с новым царем Борисом, а также принести ему поздравления и подарки.

6 октября Великое посольство прибыло в Москву с большим великолепом и было встречено всеми дворянами, одетыми в самые драгоценные платья, а кони их были увешаны золотыми цепями. И посольство разместили в подготовленном для него дворе, отлично снабженном всем необходимым, и оно состояло из 903 человек, имевших 2000 отличных лошадей, как нельзя лучше убранных, и множество повозок.

16 ноября посол получил первую аудиенцию и передал царю подарки: четыре венгерских или турецких лошади, которых, невзирая на то, что ноги их были спутаны, было нелегко привести, и они были весьма богато убраны; кроме того, небольшая, весьма искусно сделанная карета на четырех серебряных колонках, много чаш, кубков и других вещей. Передав царю свою грамоту и подарки, посол сказал речь, но в тот день ничего не решили, приняли грамоту, подарки возвратили с благодарностью, затем посол остался у царя обедать.

Посла, верховного советника польской короны, звали **Львом Сапегою**, и он был у царя раз двадцать, и они расставались то друзьями, то врагами, и ежели расставались друзьями, то послу оказывали большой почет: довольствовались его со всей свитой и лошадьми; а когда расставались врагами, то строго следили за послом; Наконец был заключен мир или **перемирие на 22 года** между царем и королем польским; и это случилось **22 февраля в 1601 г.** И в тот день все посольство с утра до поздней ночи пирило у царя на пиру, таком пышном, как только можно себе представить, даже невероятно, не стоит рассказывать.

Шляхта. Художник Ян Мотейко.

Царь Борис, терзаемый совестью за то, что совершил так много жестокостей и незаконным путем достиг престола, жил в непрестанном страхе и заботах, как бы где-нибудь не объявился соперник, а посему он никому не доверял и редко появлялся на людях, только по большим праздникам, но с ним случилось то, чего он страшился.

После появления слухов о «возвращении» царевича Дмитрия в Польше, Борис Годунов приказал привезти в Новодевичий монастырь **Марию Нагую (инокиню Марфу)**. Мать погибшего царевича Борис допрашивал о том, жив ли ее сын, вместе с патриархом Иовом, а затем к ним присоединилась его жена. *«На это инокиня Марфа будто бы отвечала, что она точно сама не знает; тогда царица Мария Григорьевна, как истая дочь Малюты Скуратова, схватила горящую свечу и захотела выжечь старице глаза».*

Иссак Масса так описывает допрос Марии (Марфы):

«Сперва Марфа отвечала, что не знает, тогда жена Бориса возразила: „Говори, б..дь то, что ты хорошо знаешь!“ -и ткнула ей горящею свечою в глаза и выжгла бы их, когда бы царь не вступился, так жестокосерда была жена Бориса; после этого старая царица Марфа сказала, что сын ее еще жив, но что его тайно, без ее ведома, увезли из страны, но впоследствии она узнала о том от людей, которых уже нет в живых; так сказала она по поущению божьему, ибо сама достоверно знала, что сын ее умер и погребен. Борис велел увести ее, заточить в другую пустынь и стеречь еще строже, но когда бы могла ею распорядиться жена Бориса, то она бы давно велела умертвить ее, и хотя это было совершено втайне».

Борис Годунов и княгиня Мария. Художник Н. Н.Ге

Далее продолжаю и не буду тут много говорить, как Лжедмитрий появился на службе у князя Адама Вишневецкого, как потом «открылся» ему и как произошла встреча с Воеводой Сендормирским, как они потом донесли Сигизмунду и Папскому Нунцию Клавдио Рангони и решению Иезуитов о приобретении Польшей, Литвой и Римом покорного сторонника Латинской Церкви в виде правителя России.

Вместе с Сендормирским и Вишневецким, Гришка Отрепьев в марте 1603 года явился в Краков, где польский Нунций Рангони сразу же посетил его. Присутствующий при этой встрече Королевский Секретарь по фамилии Чилли писал позже: «Я сам был тому свидетелем и видел, как Нунций обнимал и ласкал Дмитрия, беседуя с ним о России и говоря, что ему должно торжественно объявить себя Католиком для успеха в своём деле. Дмитрий с видом сердечного умиления клялся в неперменном исполнении данного им обета и вторично подтвердил сию клятву в доме у Нунция, в присутствии многих Вельмож. Угостив Царевича пышным обедом, Рангони повёз его во дворец. Король Сигизмунд, обыкновенно важный и величавый, принял Дмитрия в кабинете, стоя и с ласковой улыбкой. Дмитрий поцеловал у него руку, рассказал ему всю свою историю».

Дмитрий Самозванец у Вишневецкого. Художник Николай Неврев 1876год.

Чиновник королевский дал знак Царевичу, чтоб он вышел в другую комнату. Король остался наедине с Нунцием Рангони и через несколько минут снова призвал Дмитрия. Король Польши Сигизмунд с весёлым видом, приподняв свою шляпу, сказал: «Да поможет вам Бог, Московский Князь Димитрий! А мы, выслушав и рассмотрев все ваши свидетельства, не сомнительно видим в вас Иоаннова сына, и в доказательство нашего искреннего благоволения определяем вам ежегодно 40 тысяч золотых на содержание и всякие издержки. Сверх того, вы, как истинный друг Республики, вольны сноситься с нашими Панами и пользоваться их усердным вспоможением».

Царевич Дмитрий. Неизвестный польский художник 17 века.

Папский ставленник **Нунций Клавдио Рангони** так описывает Дмитрия: *«Дмитрий, имеет вид хорошо воспитанного молодого человека; он смугл лицом, и очень большое пятно заметно у него на носу, вровень с правым глазом; его тонкие и белые руки указывают на благородство происхождения; его разговор смел; в его походке и манерах есть действительно нечто величественное. Дмитрию на вид около двадцати четырех лет. Он безбород, обладает чрезвычайно живым умом, очень красноречив; у него сдержанные манеры, он склонен к изучению литературы, необыкновенно скромн и скрытен».*

Это мы сейчас всё знаем, а в те времена не было такой возможности получать достоверные сведения. В России только появились первые книги на Славянском языке – это «Геометрия, Арифметика и География».

Библия в основном была писана от руки и лишь некоторые напечатаны для общего пользования. Перевели с польского и напечатали первый «лечебник» по заказу лекарей.

Когда Лжедмитрий был в Кракове его стали тут же обрабатывать, епископ Краковский Мацейовский вручил «царевичу» книгу о соединении католической и христианской церковей и позже уже слушал поучения у бернардинцев и в других местах. Первый иезуит явился к «царевичу» 31 марта 1603 года. Это был отец Савицкий, знаменитый богослов, модный духовник, человек светский; в то время он был настоятелем монастыря св. Варвары. Несомненно, он явился, чтобы говорить о перемене веры; Дмитрий не мог не знать этого. Но оба чувствовали себя стесненными, и разговор ограничился простыми учтивостями. Но при приближающемся празднике Пасхи, выразил желание вкусить причастия по обряду католической церкви.

Дмитрий приступил к делу начал собирать армию, первое стояло привлечь на свою сторону казаков другими словами, выполнить тот план, который поддержали поляки. И вот в днепровские и донские степи полетели гонцы, чтобы вербовать там добровольцев. По слухам, дошедшим до Сигизмунда, сам Дмитрий тайно ездил к казачеству. Первые откликнулись запорожские казаки, благо до Польши рукой подать. Возбуждение, вызванное Дмитрием, приняло такие размеры, что обеспокоенный король счел нужным вмешаться в дело. 12 декабря 1603 года Сигизмунд издал суровые указы, запрещая казакам образовывать вооруженные отряды, а мирным гражданам -продавать этой опасной вольнице оружие и амуницию. Конечно, как и всегда, все эти распоряжения оказались совершенно бесплодными. Запорожские Казаки не обращали на них ни малейшего внимания.

Присяга Лжедмитрия I польскому королю. Художник Н. Неврев.

Дмитрий прибыл в Галицию, где близ Львова и Самбора в местностях Вельможи Юрия Мнишка начали собираться военные и казаки.

Борис Годунов послал от «имени Бояр», дядю Лжедмитрия боярина Смирного-Отрепьева к Сигизмундовым Вельможам, чтобы в их присутствии изблечить племянника.

Исаак Масса пишет:

*«В этом месяце **сентябре 1603года** крепостные холопы, принадлежавшие различным московским боярам и господам, частью возмутились, соединились вместе и начали грабить путешественников, от них дороги **в Польшу и Ливонию** сделались весьма опасными, и они укрывались в пустынях и лесах близ дорог; против них царь послал отважного молодого человека, **Ивана Федоровича Басманова**, и с ним примерно сотню лучших стрельцов, чтобы захватить тех воров, но те вору скоро проведали о том и подстерегли его (Басманова со стрельцами) на узкой дороге посреди леса, окружили и перестреляли почти всех бывших с ним, и царя весьма опечалило, что так случилось с таким доблестным витязем, и он повелел проявить рачение, и тех разбойников изловить, а изловив, повесить всех на деревьях на тех же самых дорогах».*

Донской Казак. Неизвестный художник 18 века.

Дмитрий, зная свойство строптивых Донских Казаков, зная, что они не любили Бориса, казнившего многих из них за разбои, послал на Дон **Литвина Свирского** с грамотою. Отрепьев писал, что он – сын первого Царя Белого, «*кoмy вы, вольные Христианские рыцари, присягнули в верности*»; звал их на дело славное: «*свергнуть раба и злодея с престола Иоаннова*».

Из книги Сергея Фёдоровича Платонова «Очерки истории Смуты»

истиннаго царевича. Его грамоты—«прелестныя письма», какъ ихъ тогда называли,—давно уже распространялись въ Московскомъ государствѣ, несмотря на пограничныя строгости. Литовскіе люди провозили ихъ черезъ границу въ мѣшкахъ съ хлѣбомъ, прятали въ лодкахъ; «листы тайные ношивали» и тѣ московскіе люди, которые часто «хоживали» черезъ границу скрытымъ образомъ. Сношенія самборскаго претен-

Цитата из книги С. Ф. Платонова.

В сентябре 1603 года состоялся многолюднейший Войсковой Круг. Прочли грамоту Лжедмитрия. Никто не спорил. Всем хотелось верить, что призывающий их под свои знамена человек есть подлинный Димитрий. Но казаки оказались людьми далеко не легковерными. На Кругу они долго совещались, как узнать, что человек, зовущий их на такое важное, кровавое дело под свои знамена, есть подлинный сын Грозного царя, а не ловкий обманщик? Положение их было тем более затруднительно, что никто из донцов никогда не видал в лицо царевича Димитрия.

Войсковой Круг пришёл к решению послать к Дмитрию сперва своих доверенных людей с крепким наказом: всяческими способами разузнать, подлинный ли царевич зовет их? И эту важную задачу войско возложило ни на кого другого, а на самых лучших и самых опытных людей в своей среде; послать на разведку самого **Войскового Атамана Андрея Корелу** (он знал польский язык и латынь) с ним неподкупного старейшину **Михаила Межакова, Юрия Беззубова Григория Акинфеева и ещё 5 казаков.**

Тут же Круг выбирает нового **Войскового Атамана Смагу Чертенского** (Иван Степановича), так как старый войсковой Андрей Карела уезжает и не понятно, когда вернётся. Многие историки пишут, что атамана выбирали на Новый год (зимой) забывая, что этот праздник справляли до 1700 года не иначе как 1 сентября.

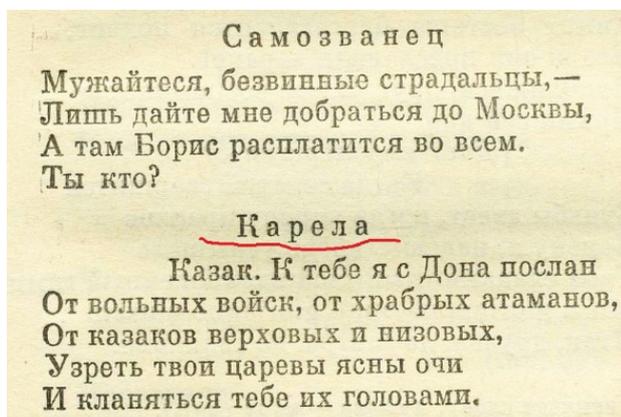
Войсковой атаман. Гравюра 17 века. Неизвестный художник.

Донские казачьи послы со свитой прибыли в Краков в то время, когда там собрался польский сейм с королем во главе. Съезд панов со своей многочисленной челядью, шляхты, духовенства и разного звания людей был чрезвычайный.

Андрей Карела и Михаил Межаков, твердо помня крепкий наказ Войскового Круга, знакомые с польским языком, толкались по всем базарам и площадям, вмешивались в народные толпы, зорко ко всему приглядывались и внимательно прислушивались к разговорам и толкам. Везде они слышали одно и то же, т. е., что в Кракове сейчас гостит сын Ивана Мучителя, чудесно спасенный от руки подосланных Годуновым убийц и что король, сейм, паны и духовенство готовы помочь ему добыть московский престол.

Наконец они встретились с Дмитрием. В обращении с атаманами Лжедмитрий выказал много ума, такта и обаяния, усердно честил их и, отпуская на Дон, посылал всем казакам ласковое слово свое и обещал щедрые царские милости. На простые сердца, обвороженные самозванцем суровых воинов, особенно убедительно подействовало то, что все польские вельможи и католическое духовенство оказывали Лжедмитрию такие почести, какие оказываются только особам царского рода, да и сам самозванец обращался с ними с царственным достоинством и приветливостью. Уезжая из Кракова, атаманы от лица войска клялись стоять за объявившегося молодого человека честно и твердо, как за сына прирожденного государя.

Александр Сергеевич Пушкин в своей трагедии *«Борис Годунов»* написанной в 1825 году спустя 120 лет так же упоминает **Андрея Корелу**, вот цитата:

Отрывок из трагедии А.С.Пушкина «Борис Годунов».

И далее А.С.Пушкин показывает причины почему Донские Казаки первыми присягнули Лжедмитрию. В то время все понимали роль которую сыграл в истории казак Андрей Корела, не то что молодёжь в нынешнее время.

Самозванец

Я знал донцов. Не сомневался видеть
В своих рядах казачьи бунчуки.
Благодарим Донское наше войско.
Мы ведаем, что ныне казаки
Неправедно притеснены, гонимы;
Но если бог поможет нам вступить
На трон отцов, то мы по старине
Пожалуем наш верный вольный Дон.

Отрывок из трагедии А.С.Пушкина «Борис Годунов».

Далее у А. Ригельмана, видим, что в 1603 году Донские казаки, услышав о Царевиче, не из-за ненависти к роду Царскому, но ненавидя Годунова...

Царскому, но ненавидя Годунова, забунтовавшись противу гонителя своего, собрали войсковой кругъ и во ономъ условились единодушно предаться Димитрію Царевичу, хотя они его самолично не знали, и не изслѣдовавъ, подлинно ли тотъ, какъ онъ себя именуетъ, послали отъ себя къ нему пословъ, въ коемъ числѣ былъ и самъ Войсковой Атаманъ ихъ, именемъ Корела. И когда сіи послы прибыли въ Польшу къ Самозван-

Цитата из А. Ригельмана.

цѣ, котораго тогда нашли уже съ помощію Мнишки, Воеводы Сандомирскаго и Вишневецкаго, собирающаго войска, пришествіе ихъ и подданство сего военнаго народа весьма его ободрило, а усмотря, что Польскіе вельможи участіе въ немъ пріемлютъ, утвердило въ бунтѣ Козаковъ; и тако сіа искра начала уже пожаръ производить.

Цитата из А. Ригельмана.

Исаак Масса вспоминает и описывает: «Прибыв в Польшу, они (Корела и Межаков) увидели, что они не смогут так скоро воротиться к своим товарищам, чтобы поспеть к утреннему времени, и отправили к ним несколько человек с известием для своих товари-

щей и с просьбою прибавить к тому положенному сроку еще четырнадцать дней, полагая, что тогда они смогут прибыть с самыми полными сведениями, что они и исполнили. В Польше, невзирая на самые прилежные розыски, они не сумели узнать ничего другого, кроме того, что-то был истинный Димитрий, сын Ивана Васильевича, коего считали убитым в Угличе, и видя, что некоторые паны, а также при дворе Сандомирского уже делают великие приготовления к войне».

Н.М.Карамзин в «Истории Государства Российского» пишет: *«Два Атамана, Андрей Корела и Михайло Нежаков же, спешили видеть Лжедмитрия; видели его честимого Сигизмундом, Вельможными Панами и возвратились к товарищам с удлствованием, что их зовёт истинный Царевич. Удальцы Донские сели на коней, чтобы присоединиться к толпам Самозванца».*

Поздней осенью и зимой Донские казаки проводили агитацию окрестных городков и крепостей и собирали войско. Есть сведения что в **январе 1604 года** Донские казаки разбили Окольного Семёна Никитича Годунова (троюродный брат Бориса и «*правое ухо царя*»), который шёл через Дикое поле и Краину в Астрахань. Нескольких стрельцов отпустили в Москву с наказом: *«Объявите Борису, что мы скоро будем к нему с Царевичем Дмитрием!».*

Далее возьмём у С.Ф.Платонова из книги «Очерки истории Смуты»:

Въ концѣ апрѣля 1604 года Самозванецъ явился изъ Кракова въ Самборъ, опредѣливъ свои отношенія къ королю Сигизмунду и папскому престолу. Для него открылась

Цитата из С.Ф.Платонова.

Съ своимъ маленькимъ войскомъ претендентъ двинулся въ срединѣ августа 1604 года отъ Самбора и Львова къ Днѣпру и подошелъ къ Кіеву черезъ Фастовъ и Васильковъ.

Цитата из С.Ф.Платонова.

Войско шло в пяти колоннах, главную составляли поляки, а передовая и арьергардная колонны были казаки, пришедшие «депутатами» с Дона. Стоя три дня в Василькове дожидаясь главные силы Донских казаков, всё же решили переходить Днепр под Киевом, а Донцы присоединятся степной дорогой идущей с Крыма. 7 октября Дмитрий прибыл в Киев, далее отправился в Вышгород, где 13 октября переправил войска на левый берег и оказался выше на правом берегу Десны. Здесь начиналось Московское царство и стояли крепости Моравск, Чернигов, Новгород-Северский. Овладев этими городами и большой дорогой на Карачев и Болхов и другой дорогой на Кромы, Орел и Мценск, а далее на Тулу или Калугу и вот она Москва. Таковы были планы Лжедмитрия.

Походный Атаман Андрей Корела, с помощью **Войскового Атамана Смаги Чертенского** (который остался на Дону) собрав около 2000 казаков и минуя Ебок или Атаманский городок пошёл в **августе 1604 года** на **крепость Царёв-Борисов**. Гарнизон этой крепости состоял из московских стрельцов их к тому времени было 500 человек, как свидетель и человек видевший царевича Дмитрия приложив своё красноречие он убедил стрельцов идти «целовать крест». О его храбрости и дружбе с их бывшем начальником крепости князем Андреем Хворостининым все знали достаточно и разом переложились к казакам. Далее была земляная **крепость Волуйка**, в которой большинство служивых было из различных казаков. Видя такое войско, гарнизон перешёл на сторону Корелы. Далее продвигаясь по Муравскому шляху к казакам предался **городок Оскол, крепости Белгород, Лесина и Елец** за рекой

Сосна. Далее **крепости Деделов, Михайлов** и ряд других городков. Войско Донских казаков уже составляло 6000 человек, с пищальми и пушками и большим обозом.

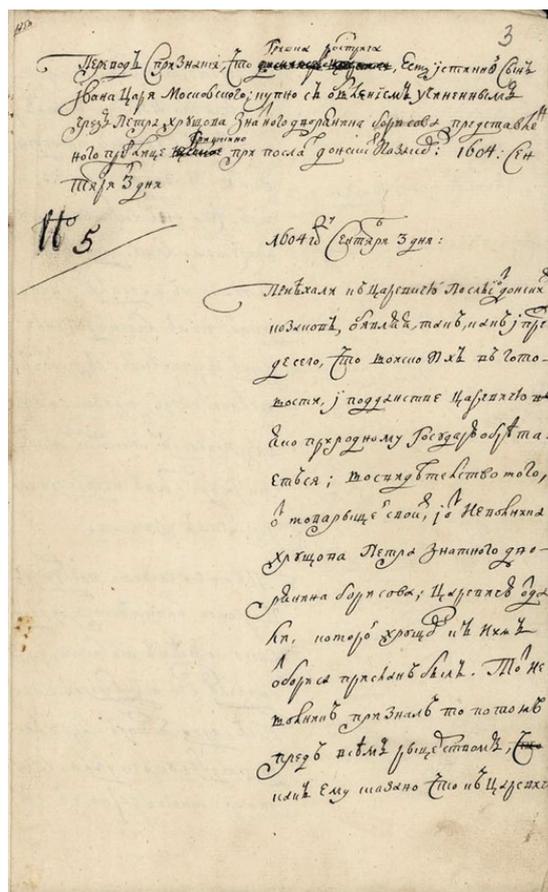
Казаки. Картина 18 века. Неизвестный художник.

Вот тут и прибыл царский посланник **Дворянин Пётр Лукич Хрущов** и стал обвинять казаков в измене присяге и склонять их на службу царю Борису, обещая им жалование за все прошлые годы и царские милости, заявив при этом, что тот человек, который зовет их под свои знамена, есть преступный самозванец.

Андрей Корела, атаманы и казаки конечно не вняли его речам, а, заковав посланца в цепи забрали с собой, так как раньше Хрущов видел царевича. Казаки сказали: *«Ежели он говорил нам правду, тогда нехай эту правду скажет в глаза царевичу Димитрию Иоанновичу. Тогда мы ему поверим»*. Передовая и быстрая часть Донских Казаков соединились с Лжедмитрием после переправы на Десне около Моравска, жители которого видя такое войско так же присоединились к повстанцам.

Ниже приведу подлинную дознавательную записку из архива: **Российский государственный архив древних актов. Ф. 149. Оп. 1. №5. Л. 1—10. 1604 года сентября 3 дня:**

«Приехали к царевичю послы от донских казаков, объявляя так, как и прежде сего, что войско их в готовности и подданстве царевичю яко природному государю обретается. Во свидетелство того, от товарищей своих и от неволника Хрущова Петра, знатного дворянина Борисова, царевичю отдали, которой Хрущов к ним от Бориса прислан был. Тот неволник признал то потом пред всем рыцарством, как ему сказано, что к царевичю его ведут, не верил (понеже о смерти его известен был).

Дознавательная записка. Из архивных материалов РГАДА.

А как к царевичю приведен был, и увидя лице его, сказал, что он собственному отеческому лицу подобен. И тако в кандалах приведенной, пал лицом до земли пред царевичем с пролитием великих слез, признавая, что он природный московской монархии государь и в неведении себя и прочих извиняя...»

Конечно он ослепленный страхом, в знак усердия уверял нового своего Государя, что народ и знатные люди дожидаются его прибытия с радостью и любовью; что Воеводы, Шереметьев и Салтыков, на пути его, Хрущова, к Дону будто ему сказали: *«трудно противу природного Государя воевать»*. И поскакали вестники по всем округам крича и радуясь: *«Да хранит бог здоровым царя нашего Димитрия Ивановича всея Руси»*.

Любой человек поставленный в такие условия сказал бы так же как сделал Пётр Хрущов ставший фактически первым из московской знати кто перешёл на сторону Лжедмитрия. Андрей Корела раньше не видевший царевича Дмитрия и бывало сомневался в правоте своих речей, ещё твёрже стал в своих убеждениях.

Приверженцы Дмитрия называли «москвитов» изменниками и плутами, говоря: *«Мы служим законному, наследственному государю страны, которого изменник Борис считает убитым, но он по чудесному промыслу божию остался в живых, и когда бы мы достоверно не знали того, чего ради пошли бы мы войной на своих соотечественников и, будучи рождены в одной стране, под одним государем, стали бы сражаться со своими братьями»*.

Казаки говорили, что-то поистине законный Димитрий, и заверяли в том страшными клятвами, так что достигли этим того, что с каждым днем все более и более людей передавалось Димитрию. Часть донских казаков под руководством Свирского, запорожские казаки, вольница и ополчение с Ратомским примкнули в Киеве к Димитрию.

В октябре 1604 г. пограничный город **Моравск** сдался Самозванцу без боя, связали воевод и крепость с 700 человек гарнизона открыла ворота и признали Царевича. Приближение войск к **Чернигову** вызвало колебания в гарнизоне, который в большинстве состоял из казаков и с помышлявших о сдаче. Стрельцы численностью до 300 человек под руководством воеводы начали из цитадели бой с пришедшим войском, но вынуждены были сдаться, когда жители черниговского посада пошли сами на крепость, поддержав самозванца. Воеводы Чернигова были выданы Лжедмитрию.

Стрельцы. Рисунок из издания: А.Г.Брикнер «История Петра Великого».

Обратимся к записям **Петра Петрея** «Достоверная и правдивая реляция» подданного шведской короны, врача по специальности: *«Как только его войска оказались внутри крепости Чернигов, он оставил там польского полковника, а сам отправился в глубь страны и захватил еще пять крепостей. Казаков было 12 000, они все время наблюдали за крымскими татарами и сообщали об их действиях. У них был полковник, которого звали Корела, он был большой колдун, и при помощи его искусства и волшебства Гришка достиг многого».*

Третьем пунктом на пути войска Лжедмитрия был Новгород-Северский. У Сергея Фёдоровича Платонова в книге «Очерки истории Смуты» видим полный перечень защитников города:

третьимъ городомъ на пути Самозванца. Сохранились точныя данныя о составѣ гарнизона въ Новгородѣ-Сѣверскомъ за время осады его Самозванцемъ. Всего въ городѣ по официальному списку было около 1.000 дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ, пушкарей и казаковъ, въ томъ числѣ собственно новгородъ-сѣверскихъ дѣтей боярскихъ 104 чел., пушкарей и затинщиковъ 53 чел., стрѣльцовъ 42 чел., казаковъ 103 чел. Такимъ образомъ, мѣстный гарнизонъ немногимъ превышалъ скромную цифру 300 человекъ и составлялъ всего одну треть общаго числа защитниковъ крѣпости. Къ нимъ списокъ при-

Цитата из С.Ф.Платова.

В их число входили «жилицкое население» пушкарские, стрелецкие и казацкие дети, бортники дворцовых сёл, монахи, попы, пономари, но нет ни одного торгового или посадского человека, значит там не было посада, была одна крепость. Ещё столько же защитников т.е. около 1000 человек были люди вспомогательных отрядов из других окрестных городов Брянска, Белёва, Кром, Трубчевска. Главная же сила защитников состояла из 350 московских стрельцов окольного П.Ф.Басманова и князя Н.Р.Трубецкого, которые шли на помощь Чернигову, но не успели, а остановились в Новгород-Северском и основательно оборудовали его. В **ноябре 1604 г** укрепили острог, сожгли вокруг все постройки, согнали в острог местных стрельцов и казаков и сами сели в осаду.

Ополчение. Картина 19 века. Неизвестный художник.

Началась осада, весь гарнизон стойко выдержал бомбардировку и штурмы. На третьей неделе 80 человек «москвитян» открыли ворота и переметнулись в лагерь осаждающих, приверженцы Дмитрия тотчас же со всех сторон устремились в город, но едва часть их вступила за ворота, как из домов, находившихся неподалеку от городских ворот, началась интенсивная стрельба, и наступающие тотчас отпрянули, ворота с трудом были заперты горожанами; те же, что вошли, по большей части полегли мертвыми. На следующий день осаждённые вышли из города другими воротами и напали на неприятельский лагерь и воротились с большою добычею.

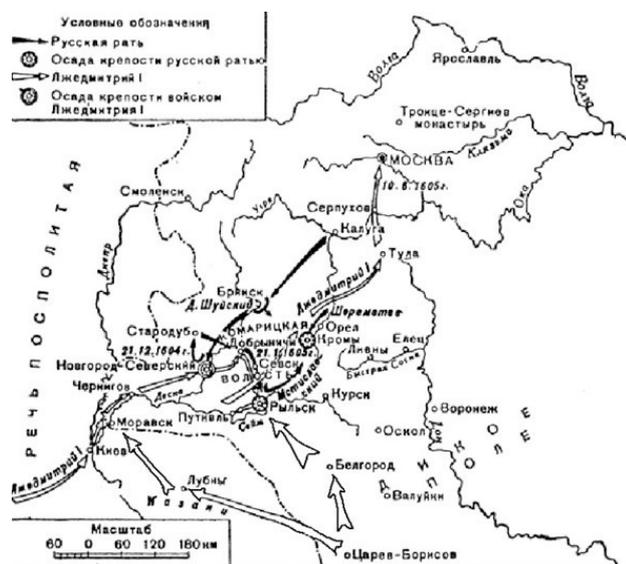

Казак. Гравюра 18 века. Неизвестный художник.

В начале осады Дмитрия под городом Новгород-Северском не было, вот цитата из Иссака Массы: «По прибытии туда Дмитрий нашел, что некоторые польские капи-

таны, дворяне и всадники, придя в уныние, говорили, что невозможно завоевать такую страну, равную целому миру, ибо у них для того так мало силы и войска, говоря: „Ежели мы не можем взять такого маленького городка и каждодневно ожидаем нападения большого московского войска, то что будем делать, когда подступим к большим городам? Все, что мы приобрели до сих пор, отпало к нам по большей части само; сверх того, мы ссудили его всем без малого вероятно что-либо вернуть“, и приводили еще другие подобные жалобы и впадали в совершенное уныние; того ради Димитрий был весьма опечален, смиренно просил их не приходить в уныние и не впадать в трусость, а по его примеру не щадить своей жизни, ибо он надеется еще в скором времени сесть на царский престол в Москве, того ради просил их не покидать его, сверх того, впоследствии они воспользуются плодами трудов своих; он снял со своей шеи цепи и раздарил их некоторым, так что ему удалось убедить их, и они снова были готовы подвергнуть свою жизнь опасности и обложили этот город Новгород-Северский со всех сторон как можно теснее».

Пока Дмитрий стоял осадой Новгород-Северска, основные силы Донских казаков под руководством Андрея Корелы взяли города **Рыльск, Путивль и Севск** с его уездом, носившим название Комарицкой волости и так же как передовые отряды присоединились к осаждавшим войскам.

Походы Лжедмитрия. Карта 20 века.

21 декабря 1604 года к Новгороду-Северскому подступил из Брянска князь **Федор Иванович Мстиславский** с войском в 60 тысяч человек, дабы окончательно погубить или прогнать мятежников, и лагерь Димитрия был обложен кругом, с одной стороны войско Мстиславского, и с другой стороны город. В этот момент проявили себя польские роты, и пока москвиты готовились к бою, Димитрий и **Юрий Мнишек** командуя поляками напали на «москвитов», захватил знамя и обратил в бегство противника, Мстиславский был тяжело ранен в бою получил 15 ран, войско отошло к Стародубу. Поляки понесли большие потери к тому же Ю. Мнишек заболел и решил выйти из коалиции: сетуя на недостаток в деньгах и потеряв надежду завоевать Московию; не веря, что они могут сражаться с таким войском. Царевич ездил между польскими ротами, умоляя их остаться, бил челом до земли, как говорили свидетели «падал крыжем», но большинство ушло.

Юрий Мнишек. Фрагмент польской картины. Художник Шимон Богушович.

Дмитрий снял осаду Новгорода-Северского и отошёл в город Севск и поменял пути наступления, главный путь теперь лежал на Кромы и Тулу в обход московского войска.

Цитата из Исаака Массы: *«В 1605 г. 1 января в Москву открыто привезли пленников, как поляков, так и казаков, со значками и оружием, чтобы народ в Москве видел, что московское войско одержало победу, хотя она была ничтожна, -и не падал духом, ибо, как я полагаю, Борис страшился, как бы в Москве не поверили, что то истинный Димитрий, и не пристали к нему, того ради повелел он часть пленников привозить в Москву днем, так что, говорят, привезли однажды пятьсот пленников, и передавали другие подобные бредни.*

В другой раз Борис, послав грамоты из Москвы, повелел, чтобы в Северской земле никого не щадили, но поступили с народом, как в Комарицкой волости, как о том было выше изложено, что и было исполнено, но столь бесчеловечно, что всякий, слышавший о том, содрогался, так много должно было погибнуть невинных людей. Женщин, девушек и детей обезбещивали до смерти, а тех, что оставались в живых, продавали за старое платье или за полштофа водки или за другие какие столь же ничтожные вещи»

Мартин Бер пишет: *«Московитяне занимались казнью своих единоверцев, присягнувших Дмитрию в Комарицкой волости. Они повесили на деревьях за ноги несколько тысяч крестьян, с жёнами и детьми и стреляли в них из ружей, пока те не погибли. Далеко были слышны вопли несчастных».*

Царевич Димитрий в отличие от Бориса ни у кого ничего не отнимал, а оставлял каждому свое, по этой причине всё больше народа переходило к нему; росло число людей, не желавших и слышать о царе Борисе. Многие воины оставались верны ему до самой смерти и претерпевали все мучения и пытки, утверждая, что он истинный Димитрий.

Бой под Добрыничами. Гравюра 18 века. Неизвестный художник.

Исаак Масса пишет о той зиме:

«10 января 1605 года означенного года большое войско московское под начальством главных воевод стояло у Добрынич (Добрунь), большой деревни на прекрасной равнине, где было также много холмов, из коих некоторые были довольно высоки;

и в тот день рано утром выехали 4000 всадников на поиски добычи, которую могли найти, будь то овес, сено или солома для лошадей, и едва отъехали на три мили, как на них напал из-за кустов отряд польских всадников так стремительно, что московиты были приведены в великое замешательство и обратились в бегство, так что около 500 московитов полегло на месте, остальные же по большей части спаслись бегством, ибо их долго не преследовали».

Лжедмитрий, находясь в Севске не желал битвы, но Борисовы войска последовали за ним и настигнув его между **Добрыничами и Чемлигом** и вступили в бой.

Дмитрий был уверен, что жители завоеванных им местностей будут некоторое время держать его сторону, ибо они были ожесточены против приверженцев Бориса, стоя здесь воины Дмитрия, уверенные в победе, пропивали свое добро и бражничали. Среди них был сам Дмитрий, князь Василий Масальский и дьяк Богдан Сутупов, перебежавший к Дмитрию и все польские паны и дворяне.

20 января 1605года ночью, немцы и ливонцы, бывшие в войске Бориса Годунова на конях скрытно подошли к противнику, капитаном над ними был **Яков Маржерет**, француз, оставивший свои записки в истории, которые я здесь и цитирую местами. Вот он первым напал на Лжедмитрия и завязал схватку. За немцами последовало 400 стрельцов, вступивших в схватку, но тут из-за гор и холмов показалось 70 мелких отрядов казаков, которые без всякого промедления с великим шумом и криками напали на противника и обратили в бегство все московское войско. Поляки пробились к деревне Добрыничи, а московские стрельцы числом 6000 сломили шанцы из саней, набитых сеном, и залегли за ними и как только поляки вознамерились продвинуться вперед, стрельцы из-за шанцев выстрелили из полевых пушек, которых было до трехсот, и открыли пальбу из мушкетов, и это нагнало на поляков такой страх, что они в полном беспорядке обратились в бегство. Отряды Маржерета собравшись с силами, пустились их преследовать и гнали поляков добрых две мили, убивая всех, кого настигали, так что всю дорогу умостили трупами.

Казак. Рисунок 18 века. Неизвестный художник.

Царевич Дмитрий с несколькими отрядами оставался в ложине, но увидев бегущих назад поляков, едва сам мог спастись, ибо вороная его лошадь была подстрелена, и князь Василий Масальский, тотчас соскочив со своего коня, посадил на него Дмитрия; сам же взял лошадь у своего конюха, и так чудесным образом ушли от неприятеля, и за свою верность Масальский впоследствии был высоко вознесен Дмитрием.

Самозванец был разбит и отброшен к реке Сейм и далее через Рыльск дошёл до Путивля. Пока Дмитрий через леса и снега бежал в сторону Путивля, в это время каменную крепость Путивль осаждал атаман Андрей Корела с Донскими Казаками.

Яков де Ту, француз в своей книге «История моего времени» пишет: *«Следуя совету казацкого атамана Корелы, знаменитого чернокнижника, осадившего многолюдный город Путивль, где начальствовал Михайло Салтыков имевший до 8000 волжских казаков; воевода сначала оборонялся упорно; напоследок, убеждённый Корелою, сдал Путивль и сам покорился Дмитрию».*

Российский историк, доктор наук Николай Лысенко то же пишет, что **Карела** слыл чернокнижником: «В среде казаков атаман Корела имел репутацию *«характерника»*, то есть языческого знахаря, свободно владеющего древними ведическими практиками колдовства и заговоров. Невысокого роста, коренастый, весь в рубцах, Корела смотрел на собеседника блестящими, почти фосфоресцирующими, ярко синими глазами. *«У него были глаза василиска, так что никто не мог выдержать его взгляд, впрочем, это и не удивительно, ибо сей человек слыл чернокнижником».*

Почему многие люди называли Андрея Корелу чернокнижником, волшебником, характерником? Напомню вам что ещё с молодости он мог читать на латыни, кто его этому научил остаётся не известным, возможно это был тот священник в крепости Карела.

Ранее знаем, что Дмитрию в Кракове иезуиты дали разные книги, наверное, там была и книга о Фаусте, она издавалась в чёрном кожаном переплёте. Так как в России в те времена кроме церковных книг ничего почти не издавалось, то те люди, которые читали и имели другие книги часто назывались «чернокнижниками» и еретиками. Дмитрия первым русские священники начали называть этим слово. Затем термин «чернокнижник» закрепился и за Андреем. Выходит, это он поделился с Корелой популярной книгой «История о докторе Фаусте», а была она на польском или латыни неизвестно. Всё это выше сказанное характеризует Корелу как человека с высоким интеллектуальным уровнем и развитым умом способным уговорить практически любого человека.

Сейчас известно нам, что среди шарлатанов и магов в 1602 большую славу стяжал своими необычайными проделками и бесовскими чарами Иоганн Фауст из Кундлингена, который изучил магию в Кракове, где ее раньше публично преподавали. Слава Фауста очень быстро распространилась за пределы Германии. Изданную книгу **в 1587 году «Историю Йохана Фауста»** («История о докторе Фаусте, знаменитом волшебнике и чернокнижнике») некоторые критики считают едва ли не самым значительным достижением германской романистики. Она пришлась по вкусу массовому читателю и была переведена на несколько языков. Книга имела кожаный оклад чёрного цвета.

В книгу вплетены эпизоды, которые ранее связывались с различными чародеями (Симон Волхв, Альберт Великий) и которые в этой книге отнесены к Фаусту. Источником её, помимо устных сказаний, служили современные ей сочинения по ведовству и «тайным» знаниям (книги теолога Лерхеймера), ученика Меланхтона. Заключительная глава книги повествует о *«страшном и ужасающем конце»* Фауста: его разрывают бесы, и душа его идет в ад. Характерно при этом, что Фаусту приданы черты гуманиста. Вот сохранилось письмо одного церковника и о популярности этой книги, приведу его здесь: *«Посылаю Вашей милости Платина и сообщаю, что на прошлой Франкфуртской ярмарке впервые появилась история доктора Иоганна Фауста, полсотни экземпляров которой привез один книгопродавец.*

Однако прежде чем я об этом узнал, книга оказалась распроданной, кроме одного экземпляра, который хотя уже и продан в Вольфенбюттель, но еще не отправлен». Брауншвейг. 30 октября 1587 года по р. х. Покорный слуга Вашей милости Лудольф Людерс, регент церкви св. Власия в Брауншвейге.

Продолжая мысль историка Николая Лысенко я скажу, что **Корела** имел в народе звание «характерника», существовавшее у казаков. Некоторые их ритуальные практики например, отсечение головы первого убитого врага, а также сохранение в народе отсеченной правой руки умерших прославленных атаманов, свидетельствуют о древних корнях этого ритуала.

«Характерники» отработывали так называемое «характерство» - сложные языческие заговорные ритуалы, призванные защитить казака от пули, горячего коня от запала, их обоих от укуса змеи, осуществляли наговор на ружья и мысли противника, заговаривали кровь, текущую из глубокой ран.

Но вернёмся к тому что **Корела занял Путивль** и туда пришёл Дмитрий. Из городов ранее занятых Корелой продолжали приходить отряды казаков на помощь. Мстиславский хоть и был ранен, но продолжал руководить Московскими войсками. Он снял осаду с Рыльска и отошёл назад по направлению к Кромам в Радогожский острог, что бы неприятель не отрезал от него дорогу на Москву. У него были проблемы с порохом и питанием, съев все свои запасы его войско обращалось к грабежу и мародёрству против местного населения, многие покидали армию и уходили домой. По сообщению Маржерета воеводы московские «хотели распустить на несколько месяцев своё войско, очень утомлённое». Царь Борис Годунов сведав о том, строго запретил увольнять воинов, к тому же присылал грамоты с угрозами воеводам о наказаниях за то, что «того Гришки не умели поймать». Именно под Путивль привёл 4000 казаков с Дона товарищ Андрея Корелы **атаман Посник Лунёв**.

Прибытие Дмитрия самозванца в Калугу. Картина художника Николая Дмитриева-Оренбургского.

У знаменитого русского историка Сергея Фёдоровича Платонова описано, что Корела видя такое положение, опережая московское войско маленькими силами занял крепость

Кромы. Он ещё так определяет это событие *«вот при таких обстоятельствах ведена была знаменитая осада Кром, под обгорелыми стенами которых решилась участь династии Годуновых»*.

ся. Одинъ изъ воеводъ, М. Самтыцовъ, свелъ со стѣнъ государеву рать, а въ это время большой отрядъ казаковъ съ атаманомъ Корѣлю проскользнулъ въ Кромы и усилилъ гарнизонъ. Корѣла оказался хорошимъ предводителемъ: послѣ того, какъ государевы люди разбили острогъ изъ пушекъ и спалили его стѣны, Корѣла изрылъ крѣпостную гору землянками и траншеями и отсиживался «въ норахъ земныхъ».

Цитата из С.Ф.Платонова.

И. Масса так пишет: *«Этот Корела, находясь в Кромах, помышлял о том, чтобы при этих счастливых обстоятельствах удержать крепость, и послал известить обо всех обстоятельствах Дмитрия и просил прислать людей и припасов, что часто исполняли с великой отвагой и проворством, и они, казаки, полагали, что московское войско, постояв так всю зиму или до весны, само расстроится и погибнет»*.

14 февраля 1605 года прибыли в Москву воевода **Петр Федорович Басманов** и князь Никита Трубецкой, и их торжественно везли на царских санях и лошадях за их отвагу и стойкость под Новгородом-Северским, как о том было сказано выше; и царь пожаловал им дорогие подарки *«золотое блюдо весом 6 футов, насыпанное золотыми червонцами, сверх того 2 тыс. рублей, множества серебра и поместья, с крестьянами»*. а настоящего героя князя Мстиславского Борис не жаловал.

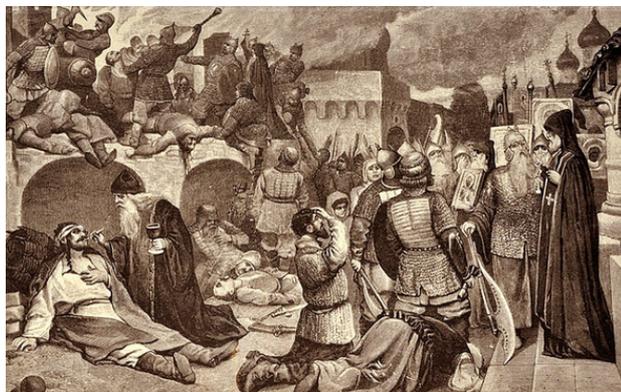

П.Ф.Басманов. Современное фото из оперы «Борис Годунов».

У шведа Петра Петрея в книге «Достоверная и правдивая реляция» читаем:

«Когда войска Бориса подошли к крепости Кромы, там было 600 донских казаков во главе с их начальником Корелой. Там они стояли шесть недель, все время перестреливаясь с врагами, так что ни один день не обходился без многих жертв. У русских не было порядка, и у них чесались уши от желания получить нового повелителя. Они не хотели ничем поступиться для дела. Иноземцы подожгли крепость и штурмовали ее, чтобы войти в город. Когда русские начальники увидели это, они побежали к ним и вернули их назад, сказав, что великий князь приказал не штурмовать крепость, а взять ее измором, чтобы сохранить своих людей».

Надо помнить, что была зима и московское войско не было готово к большой войне, Годунов думал победить числом и быстрым наскоком, слабым было материальное снабжение, не хватало пороха на такое большое войско и начались болезни.

Защита города. Неизвестный художник 20 века.

Что может быть лучше, чем повествование о той осаде крепости Кромы современником, вот как сказано у **Конрада Буссова** в «**Московской хронике**», он был уроженец Люнебургского княжества в Германии, служил у Царя наемником-ландскнехтом.

*«Военачальнику **Борис приказал со всеми силами идти на Кромы, взять этот городишко, а Корелу, который с подчиненными ему казаками отступил туда во время прошлой битвы, истребить полностью. Но поскольку полководец князь Иван Мстиславский после полученных в этой битве 15 ранений не совсем еще оправился, Борис придал ему для замены еще одного знатного вельможу, князя Катырева. Это очень возмутило некоторых важных персон (которые почитали себя более пригодными для этого), и даже настолько, что они с несколькими тысячами людей отпали и перешли к врагу. Однако оба полководца, и Мстиславский, и Катывев, вместе с иноземцами выказали усердие, осаждая деревянный городишко Кромы. Иноземцы подожгли его, так что он выгорел дотла и не осталось от домов ни одного кола. Казаки вырыли вокруг всей оборонительной ограды снаружи и внутри глубокие рвы. Из обоих рвов землю повыбрасывали наверх и сделали изнутри под оградой так много сквозных лазеек, что можно было, если нужно, мигом выйти и войти. Свои жилища казаки, подобно мышам, устроили тоже в земле, так что никакой пушкой их нельзя было потревожить. От наружного рва они прорыли к шанцам московитов маленькие рвы и прятались в них.***

Когда московиты приближались для схватки или посылали людей на штурм, казаки, как мыши, вылезали из земляных нор и храбро оборонялись, а если московиты начинали одолевать их, они живо через отверстия забирались снова во внутренний ров и ждали там преследования со стороны московитов, но тех мороз пробирал по коже, и они не хотели залезать туда; так они и стояли там около 3 месяцев, расстреляли много пороха и свинца и ничего не добились, ибо слишком много было у них измены, и она с каждым днем усиливалась, даже настолько, что однажды среди бела дня 500 казаков, которых Димитрий послал из Путивля на помощь осажденным, проехали через один из московитских лагерей в Кромы с сотнями саней, груженых съестными припасами, прежде чем московиты из другого лагеря заметили это».

В Никоновской летописи сказано:

О приходе боярскомъ подъ Кромы.

91

Бояре же поидоша из Радожского острога подъ Кромы, и приидоша подъ Кромы в великой постъ, и градъ Кромы осадиша, и начаша биши из наряду; в шуже пору спояля подъ Кромами Федоръ Ивановичъ Шереметевъ и бияшеся с ними с ворами безпрестани; в Кромахъ же в тѣ поры сидѣль измѣнникъ Григорей Акинѣевъ да Ашаманъ донской Корѣла с Донскими ка-
заками,

Цитата из Никоновской летописи.

Вот это случай многих «московских воевод» удивил и стали приписывать **Атаману Андрею Кореле** всевозможные неземные качества, называли «**волишебником**» и «**характерником**». Немец Конрад Буссов говорит, что отряд прошёл днём, но это не так. Пехота Донских Казаков возглавляемая Юрием Беззубцевым проявили изобретательность и смекалку, одев, как мы сейчас говорим, маскхалаты и обмотав ружья тряпками. Про белые одежды упоминает Н. М. Карамзин при битве у Новгород-Северского. Сам Корела проявил свои способности к убеждению противника, уговорил «**волжских казаков**» в стане «**московитов**» и ближе к ночи промазав все сани жиром чтобы не скрипело провёл подмогу в крепость через камыши и болота. Какой высоты бывает камыш мы знаем по плавням устья Дона, а способность казаков незаметно передвигаться в таких условиях рассказывали азовские турки.

Русский историк В. Сухоруков писал: «...осада Кром казалась столь непонятною, что **Петрей** в записках своих называет **Корелу волишебником**».

В Русской летописи дьяк, её писавший так говорит о Кореле; «...зане был воин искусный, а к тому **досужий волишебник**, и от того сделалось, что войска тут Московския часто с конными Козаками и на всякий день много раз бившись, ничего важного ради несоюзнства сделать Кромам не могли и отступили; одна часть войска к Гришке перешла, а другая вбегу, третья в сомненьи повисла».

Стольник Бутурлин, проводивший специальное дознание, зафиксировал в своем протоколе, что стрельцы князя Шереметева: «**слышаху токмо многогажды ископытъ и храл лошадиный, такоже скрып саней многих, но николѣ же не видяху**».

Приведу ещё цитату из записей Троицкого келаря **Авраамия Палицын** «Иное сказание»:

«А в городе Кромы засел того же еретического войска казачий атаман Гришка Корела с казаками и с кромлянами. И царь Борис посылает в Кромы своих воевод, боярина Федора Ивановича Шереметева, с большим войском. И они, подступив к городу, крепость осадили и стали штурмовать стены, но защитники города много войска побили и немало пролили христианской крови. И царь Борис еще прислал воевод- князя Федора Ивановича Мстиславского да князя Дмитрия Ивановича Шуйского с большим войском, чтобы скорее взять город. И воеводы собирали войска и храбро и мужественно наступали на крепость, били из пушек по острогу и по городу и всякие стенобитные хитрости использовали и острог, и город разбили до основания. Но те казаки, зломысленные и коварные, не боящиеся смерти и непокорные и ко всяким лишениям терпеливые, отсиживались в норах земных и вели бои с осаждавшими из-под земли, да устраивали вылазки из города. И так, не сумев взять города, московские воеводы стояли под Кромами до весны. И тогда много людей в войске умерло от зимней стужи, так как время было очень студеное и стояли страшные морозы».

Ещё один великий Российский историк В.Н.Татищев в «Истории Российской» упоминает Корелу и Салтыкова:

«В Великий пост пошел боярин Федор Иванович Шереметев с товарищами с войском под Кромы и оный осадили. В Кромах же сидел Григорий Акинфеев да атаман донской

Корела. Бояре после многих боев город Кромы сожгли и взошли на насыпь, а казаки ушли в средний острог. Но Михаил Салтыков войско свое со стен свел без ведома воевод и тем войскам царя Бориса немалую беду учинил».

Ранее мной цитируемый **Исаак Масса (Isaac Abrahamszoon Massa)** голландский купец в своём труде «**Краткое известие о Московии в начале XVII в**» пишет про осаду;

*«14 марта 1605года московское войско остановилось на равнине, окруженной большими болотами, в то время промерзшими, и там была гора, на которой расположена **деревянная крепость, называемая Кромы, внутри которой было несколько домов; и к этим Кромам на гору вела летом только одна тропа, и то весьма узкая, ибо кругом стояли болота. В эту крепость прибыл один ротмистр из числа немецких военачальников, живших в городе Туле, по большей части ливонцев, пленных немцев и курляндцев, и его звали Лас Вейго, и он водрузил на крепости знамя и занял ее своим отрядом.***

Главный воевода князь Федор Иванович Мстиславский повелел ему оставить крепость, сжечь ее и возвратиться к войску; и никому не ведомо, какая была к тому причина. Обе стороны стремились обладать Кромами. У казаков было множество саней, нагруженных съестными припасами, кроме того, еще сани, полные сена, весьма плотно сложенного, и пустили вперед эти сани, подобные четырехугольной камере, но только открытой, и посадили в нее примерно половину отряда, а самые доблестные смельчаки бежали по сторонам с заряженными пищалями; казаки поднялись на гору и так стремительным маршем вошли в Кромы, и московиты не причинили им никакого вреда ни стрельбою, ни чем другим, и казаки, заняв гору, тотчас вырыли у крепости землянки и вокруг нее ров, так что засели в земле и никого не боялись; предводителем этих казаков был Корела, шелудивый маленький человек, покрытый рубцами, родом из Курляндии, и за свою великую храбрость Корела еще в степи был избран этой партией казаков в атаманы, и он так вел себя в Кромах, что всякий, как мы еще увидим, страшился его имени».

Что означает это слово. «шелудивый»? В Толковом словаре Ожегова; «**шелудивый**» - со струпьями, коростой на коже, у Ефремова **ш.**-имеющий на коже струпья, коросту, сыпь. Конечно прав Масса, у Андрея Корелы всё лицо было обезображено после того как он обгорел ещё в молодости защищая родную землю от шведов.

Крепость в Кромах состояла из обычных двух частей: внешнего города и внутренней цитадели или как тогда говорили «*острога*». И тот и другой были окружены высокими валами или «*осыпями*», на которых стояли деревянные стены с башнями и бойницами. Московские ратные люди заняли вал с обрушившейся и сгоревшей деревянной стеной. Однако Корела не дал им закрепиться, интенсивным огнем простреливая весь участок вала. «*Ружья у казаков были предлинные, а стреляли они так, что редкий давал промах*», – отмечал историк **Н.И.Костомаров**.

Снова и снова воевода **Ф.И.Шереметьев** бросал своих людей на штурм, но каждый раз откатывались с потерями. Положение усугублялось еще и тем, что они не могли воспользоваться своим численным превосходством. «*Более восьмидесяти тысяч ратников, имея множество стенобитных орудий, не могли одолеть деревянного городка, не имевшего в защиту свою и тысячи воинов!*», – писал историк **Василий Сухоруков**.

Потерпев неудачу в лобовых штурмах, воеводы решили стереть городок с лица земли своими 70 пушками, которые, как отмечено в одном из документальных источников того времени, «*были так огромны, что два человека едва могли охватить пушку*». Придвинув эти машины к городку, «*московиты*» открыли интенсивный огонь. В Кромах начались пожары, которые осажденные пытались безуспешно тушить: в городе сгорело все, что могло гореть, острог был разрушен почти до земли. но Донские Казаки Корелы и не думали сдаваться. Они углубили рвы и вырыли окопы с лабиринтами подземных ходов с выходами на поверхность в тылу московских войск, нанося им неожиданные удары.

В русских летописях читаем: *«Воеводы же ополчевашеся и на град крепко налягаху, храбро и мужественно, ис наряду биюще по острогу и по граду и всякими стенобитными хитростми налегая, и острог и град разбиша и до основания. Бояре же, видя их крепкое стояние, начали умышлять, как бы тот град сжечь, и послали ночью. Они же шли и зажгли град. Казаки же из града побежали и сели в остроге. И как град сгорел, государевы же люди сели на валу, они же, воры, бились беспрестанно, никак не подпуская к острогу, и было им утеснение великое».*

Смутное время. Художник Сергей Васильевич Иванов.

Хитроумный и энергичный Андрей **Корела**, сумел быстро приспособиться к тактике московских воевод, выработав в противовес им свою, весьма эффективную, тактику действий. Он во время обстрела своих позиций пушками противника прятал казаков в подземных ходах, вырытых под внутренним обводом вала, а с окончанием вражеской канонады и началом атаки быстро перемещал всех в окопы, встречая огнем атакующие линии царских войск.

Опять возьму цитату из Русской Летописи: *«Они же, казаки, зломыслены и коварливы и бесстрастны к смерти и непокорливы и к нуждам терпеливы, отсиживались в норах земных, и бои с ними чиниша ис под земли, тако же и на выласку вон из града битися выхожаху».*

Из московского лагеря в сторону осаждённых часто летели стрелы с привязанными к ним «цидульками», в которых сообщалось обо всем, что происходило в лагере и в Москве; о планах правительства Годунова и «царевича Димитрия».

Опять Летопись: *«И никако же града у них взяти не возмоша, московский же воеводы стояху и до весны. И много же тогда войских людей изомроша стужи ради настоящая зимнего времени, яко время то зело студено бысть и ядовиты мразы быша».*

Тут ясно и понятно сказано «московское» войско было утомлено длительной войною, холод и эпидемия «болело мытом» подорвало их силы и волю, в отличие от казаков, более приспособленных и привыкших к военным действиям.

Глубокий знаток и исследователь Смуты историк **Николай Костомаров** отмечал: *«Корела умышленно протягивал такого рода войну, он рассчитывал, что пока годуновское войско будет стоять попусту под Кромами, город за городом, земля за землей станут сдаваться Димитрию, и его сила будет возрастать без боя».*

Все современники и позднейшие исследователи событий вокруг Кром в один голос отмечали необычайную стойкость и терпение казаков **Атамана Корелы**. *«...Никто не мог, как они, переносить всякую нужду; они, говорит летописец-современник, бесстрашны*

к смерти, непокорны и к нуждам терпеливы; на санях привезли они с собою... сухари и довольно водки, и в своих норах жили они весело – пили, гуляли; слышны были в Кромах трубы и песни».

Историк С. Ф. Платонов ещё в 19 веке делал выводы: **«Искусство Корелы спасло дело Самозванца и, несмотря на полное почти отсутствие польских отрядов в его казацко-стрелецком войске, он бодро готовился к походу на помощь Кромам».**

Исаак Масса пишет, как казаки оборонялись:

«И все это время стояли под Кромами, где было не более четырех тысяч человек, и московское войско насчитывало добрых 300 000 человек, ибо к нему каждодневно прибывала подмога; и каждый божий день двести или триста пеших казаков с длинными пищалями делали вылазки из Кром, выманивали из лагеря некоторых охотников добыть себе чести, полагавших, что они верхами достигнут казаков, но казаки столь искусны в стрельбе из мушкетов и длинных пищалей, что не давали промаха и всегда подстреливали всадника или лошадь и так каждодневно клали мертвыми тридцать, пятьдесят, шестьдесят воинов из московского войска, среди коих было много молодых, красивых дворян и были люди, искавшие себе чести; и пока Корела, атаман, был здоров, москвиты не знали покоя: то внезапно нападали на них, то обстреливали, то глумились над ними или обманывали. Да и на гору часто выходила потаскуха в чем мать родила, которая пела поносные песни о московских воеводах, и совершалось много другого, о чем непристойно рассказывать; и войско москвитов к стыду своему должно было все это сносить, и стреляли они всегда из своих тяжелых пушек попусту, ибо не причиняли и не могли причинить кому-нибудь вреда; в Кромах между тем беспрестанно трубили в трубы, пили и бражничали, одним словом, всюду была измена, и в московском лагере дела или не чисто, ибо воеводы не только не отправляли должности, но сверх того было заметно, что они сносились с Димитрием, хотя еще и не отважились на измену, ибо в темные ночи часто находили между турами мешки с порохом, которые уносили лазутчики из Кром в присутствии часовых, и много других подобных дел».

Тут Масса немного не прав, в это время Дмитрия ещё не было под Кромами, а склонял московских воевод к измене Андрей Корела, это они вели переговоры с ним. Это он и его Донские Казаки сговаривались с простыми крестьянами-ополченцами призванные Царём на войну и за деньги выкупали порох и свинец. Донские Казаки Андрея Корелы обыгрывали и обманывали московских воевод и побеждали, как сейчас говорят в гибридной или психологической войне. Некоторые нынешние политики Запада думают, что только в 21 веке появилась такая война, но они глубоко ошибаются, потому что плохо знают историю.

Донские Казаки сидели в Кромах, одно время держали себя тихо и только изредка отражали несильные нападения, ибо **Корела был тяжело ранен**, и без него не могли измыслить средств причинить вред москвитам, и когда он выздоровел, все пошло по-прежнему.

Вот ещё момент про психологическую и гибридную войну, навязанную **Андреем Корелой** против «москвитов», в **Разрядной книге 1650 года** об этих событиях пишется так: *«...Донские казаки, гонящие их, сечи же их (москвитов) саблями щадяху; в место сечи же и убийства -плетми бьющее их и, гоняше, смеяся и глаголюще: «Да потом на бой не ходите противу нас!».*

Бой казаков. Художник А. П. Лях.

Нерешительность воевод московского войска, низкий моральный дух воинов, не веривших в успех затянувшейся осады, объяснялись тем, что царь Борис Годунов терял опору среди господствовавшего класса и среди народных масс. База же Лжедмитрия, напротив, непрерывно расширялась – соответственно росла и уверенность его сторонников в успешном исходе борьбы.

Димитрий часто повелевал отправлять из Путивля и Кром воззвания к московскому войску и подбрасывать в народ письма, в коих увещевал их: доколе хотят они оставаться слепыми, когда с несомненностью видят, что вся страна предалась ему, и они сами скоро станут под его знамена, говоря им: *«Не стыдно ли вам, люди, быть такими пентюхами и не замечать, что служите изменнику отечества, чьи деяния вам хорошо ведомы и как овладел он короною и какому утеснению подверг он все знатные роды, -моих родственников, полагая, что, когда изведет их, то будет жить без печали».*

Также говорил он: *«Поставьте меня перед Мстиславским и моею матерью, которая, я знаю, еще жива, но терпит великое бедствие под властью Годуновых, и коли скажут они, что я не истинный Димитрий, то изрубите меня на тысячу кусков».* Такими и многими другими подобными речами привлек он к себе сердца почти всего народа.

Даже все военачальники, не принадлежавшие к родне Бориса, хорошо знавшие все деяния Бориса и каков он был, частенько помышляли: *«О, когда бы Димитрий был нашим царем»*, ибо взирали на него, как на восходящее солнце, хотя и не верили, что он законный наследник, но не смели утверждать, и многие каждодневно перебегали к нему

В Москве 13 апреля 1605 года умер Царь Борис Годунов. Некоторые считали, что он покончил с собой с горя и досады из-за лжи и неверности, которые обнаружил в своих военачальниках и многих подданных, а также от того, что не смог получить никакой помощи от союзников -римского императора и датского короля. Другие же считали, что он был отравлен.

Жак Маржерет в «Записках»:

*«Обе соединившиеся армии пребывали под Кромами, не занимаясь ничем достойным и только насмехаясь друг над другом, до кончины сказанного **Бориса Федоровича**, который умер от апоплексии в субботу двадцать третьего апреля, в названный год».*

Конрад Буссов в «Московских хрониках»:

Московские чиновники. Старинная гравюра 17 века. Неизвестный художник.

«Когда оба военачальника сообщили царю в Москву о столь великой измене, о ежедневном отпадении бояр и князей и о том, что их войско из-за этого ежедневно уменьшается, а у врага значительно увеличивается и усиливается, из-за чего они находятся в большей опасности, не зная, кому из тех, кто еще с ними, можно, а кому нельзя доверять, а также о том, что к Димитрию непрерывно прибывают польские конники и поэтому, надо полагать, он опять выступит в поход и померится с ними силами, причем, по их мнению (вследствие слишком большой измены), почти нет никакой надежды выстоять против врага, а тем более одержать над ним победу, – все это так напугало Бориса, что он впал в уныние и, приняв яд, лишил себя жизни».

Исаак Масса пишет про смерть Царя Бориса так:

«13 апреля 1605года по старому стилю Борис был весьма весел, или представлялся таким, весьма много ел за обедом и был радостнее, чем привыкли видеть его приближенные. Отобедав, он отправился в высокий терем, откуда мог видеть всю Москву с ее окрестностями, и полагают, что там он принял яд, ибо как только он сошел в залу, то послал за патриархом и епископами, чтобы они принесли ему монашеский клобук и тотчас постригли его, ибо он умирал, и как только эти лица сотворили молитву, постригли его и надели на него клобук, он испустил дух и скончался около трех часов пополудни».

Мартин Бер в «Воспоминаниях» говорит: *«столь явные измены побудили воевод немедленно донести государю, что он в крайней опасности, что царская рать со дня на день уменьшается, а войско Дмитриево увеличивается, что наконец не остаётся и надежды одолеть Самозванца. Сражённный этой вестью, Борис принял яд».*

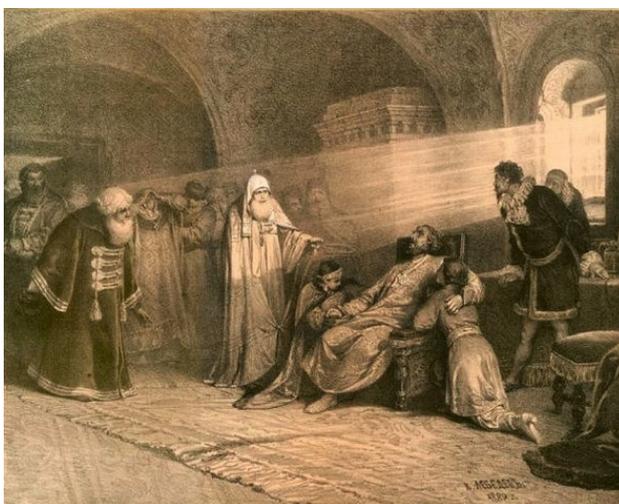
Георг Паерле австрийский купец в «Описаниях путешествия» говорит просто: *«Весть о покорности всего войска Димитрию, так перепугало Бориса, что он впал в болезнь и вскоре умер».*

Величайший историк Н.М.Карамзин не поддерживает всех тех людей, которые жили в то время и опровергает, что Борис мог сам себя умертвить, вот так он пишет:

«Борису уже исполнилось 53 года... 13 апреля, в час утра, судил и рядил с Вельможами в Думе, принимал знатных иноземцев, обедал с ними в золотой палате и, едва встав из-за стола, почувствовал дурноту; кровь хлынула у него из носа, ушей и рта; лилась рекою: врачи, столь им любимые, не могли остановить её. Он терял память, но успел благословить сына на Государство Российское, воспринять Ангельский Образ с именем Боголепа и чрез два часа испустил дух, в той же храмине, где пировал с Боярами и с иноземцами».

Отчего умер Борис? При вскрытии гробниц Ивана Грозного, его сына, жены современные медики находят в костях присутствие остатков ртути. Немецкие же медики, бывшие при Борисе Годунове так же сказали, что он отравлен сулемой, но кто им тогда поверил. Все эти симптомы, которые описывает Карамзин и другие похожи на отравление ядом-сулемой (двухлористая ртуть). При апоплексии (инсульте или говорили «от удара») нет таких симптомов. Другой вопрос сам Борис принял яд или ему подсыпали недруги, всё это осталось тайной. Я возьму смелость предположить, что Борис Годунов решил окончить свою жизнь самостоятельно. Измена многих воевод и начало перехода войск в стан Лжедмитрия, явился **результатом действия Донских Казаков и атамана Андрея Корелы**. Сам Дмитрий, находясь в Путивле не принимал в командовании войсками никаких действий.

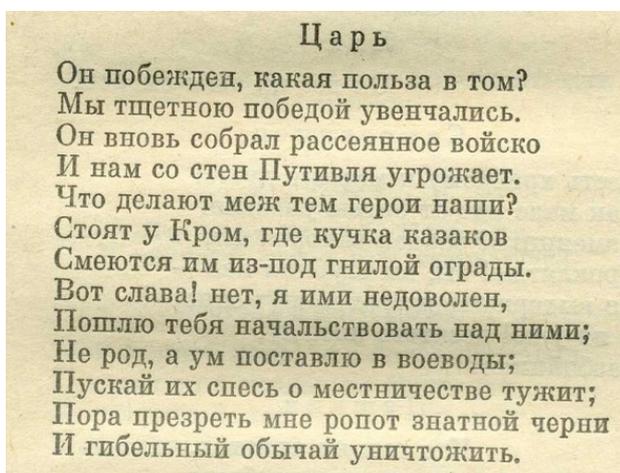
Всю подрывную агитацию о переходе «московских войск» под флаг Лжедмитрия вели казаки и Корела. Только после смерти Годунова, и после прибытия в Кромы, Лжедмитрий начал писать пропагандистские письма во все концы страны.

Смерть Бориса Годунова. Художник Клавдий Лебедев.

Откуда можно сделать вывод, что **Андрей Корела подвинул Русского Царя Бориса Годунова «наложить на себя руки»**. Да и я сам не мог предложить такой вариант, пока не стал изучать и разбираться в ситуации досконально.

Александр Сергеевич Пушкин в «Борисе Годунове» так писал о ситуации, где Годунов говорит Петру Басманову:

Отрывок из поэмы «Борис Годунов» А. С. Пушкина.

Вся Москва, от Патриарха Иова, Синклита, бояр, стрельцов, мещан, земледельцев и простой «черни» присягнули: *«Царице Марии и детям её, Царю Феодору и Ксении, обязываясь страшными клятвами не изменять им, не умышлять на их жизнь и не хотеть на Государства Московское ни бывшего Великого Князя Тверского, слепца Семеона, ни злодея, именующего себя Дмитрием; не избегать Царской службы и не бояться в ней ни трудов, ни смерти».*

Те люди кто готовил эту присягу и не думали, что слова «злодея... Дмитрия» так перевернут всё общество и войска. Фактически московские дьяки перестали называть предателя Гришку Отрепьева «расстригой» и назвали Дмитрием, как бы утвердили, что данный человек никто иной как настоящий сын Ивана Васильевича.

Исаак Масса пишет:

«И народ московский тотчас был созван в Кремль присягать царице и ее сыну, что и свершили, и все принесли присягу, как бояре, дворяне, купцы, так и простой народ; также посланы были по всем городам, которые еще соблюдали верность Москве, гонцы для приведения их к присяге царице и ее сыну, как то: в Псков, Новгород, Ивангород, Ростов, Переяславль, Ярославль, Вологду, Пермь, Каргополь, Устюг, Тотьму, Холмогоры (Солмогоро), Кондию, Обдорию, Сибирь, Лапландию, и далее во все тамошние страны, тогда как области близ Польши, земля Северская и Астрахань остались так, как они были, но Казань присягнула вместе с Москвою; и так Марья Григорьевна стала царицею и сын ее, Федор Борисович, царем всея Руси 16 апреля 1605 г».

16 летний Царь Фёдор Борисович и Бояре избрали главного воеводу **Петра Фёдоровича Басманова**. Он взял с собой князя Михаила Катырева-Ростовского и новгородского митрополита Исидора для «целования креста на имя Феодора», приведения войска к присяге. **17 апреля 1605 года** они прибыли под Кромы. Юный Монарх обещал верному, усердному войску беспримерные награды после «сорочин» Борисовых. Войско присягнуло Феодору.

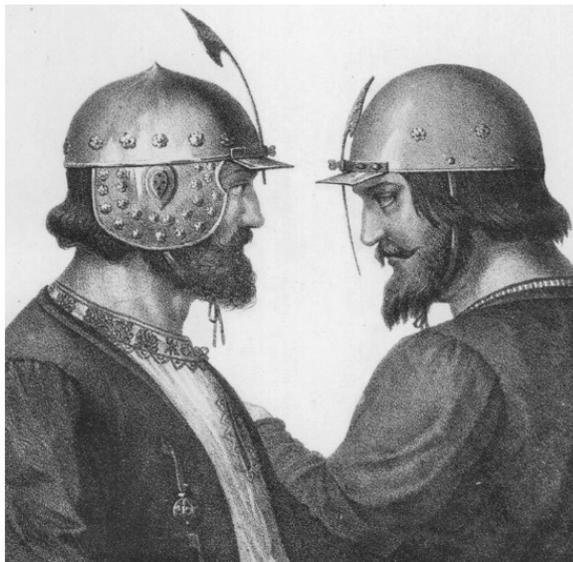
Александр Сергеевич Пушкин такие слова вложил в уста П.Ф.Басманова:

Б а с м а н о в

Пока стою за юного царя,
Дотоле он престола не оставит;
Полков у нас довольно, слава богу!
Победою я их одушевлею,
А вы, кого против меня пошлете?
Не казака ль Карелу? али Мнишка?
Да много ль вас, всего-то восемь тысяч.

Отрывок из поэмы «Борис Годунов» А. С. Пушкина.

Лжедмитрий сидел в Путивле и укреплял свои города и вооружал войска. Под Кромами руководить «московитами» остались два князя Голицыных Василий и Иван. Войско устало от зимнего похода, многие болели, другие убегали, а на смену приходили «ратные люди Северских городов, стрельцы, казаки и чёрные люди». Всё больше становилось перебежчиков «сын боярский молодой арзамасец **Абрам Бахметев**». это он принёс весть Самозванцу о смерти Годунова.

Русский воин в шлеме. Художник Н. Черняев из труда А.В.Висковатова «Историческое описание одежды и вооружения российских войск».

Защитники крепости Кромы в это время вели себя тихо, и только иногда делали вылазки, **ибо в то время была оттепель и везде выступила вода**, так что каждый думал, как бы уберечь самого себя, и болота мешали осаждающим «москвитам» подступить к крепости, и они без надобности стреляли, словно для того, чтобы понапрасну расточать порох и свинец, и ночью многие перебежали в Кромы.

Георг Паерле, австрийский купец спустя год после событий так записал со слов, наверное, поляка Запорского, бывшего в Москве: *«На помощь Кромским гражданами, был послан Дмитрием отряд из 500 пятигорцев. и 3000 москвитян под начальством благородного поляка Запорского. Он, не доходя 6 миль до Кром, написал от имени Дмитрия письмо и отправил в крепость посланника»*. Короче этого посланника поймали и отправили к Полицину и Басманову, в письме были ложные сведения *«посылаем к вам любезные и верные Кромские жители, 2000 поляков, 8000 москвитов, и потом ещё 40 000 польских воинов, которые стоят в 16 милях от Путивля»*.

Конечно после этого Басманов понимая слабость своего войска рассылал каждый день по всему своему лагерю людей, которые подслушивали и доносили обо всем ему, так что открылось, что больше людей на стороне Дмитрия, чем на стороне русского войска.

Басманов, зрело поразмыслив обо всем, постарался употребить все средства, привлёк к заговору братьев Голицыных и Михаила Салтыкова, нашли решение как привлечь всё войско на сторону Дмитрия с возможно меньшим кровопролитием, и послали тайно к Лжедмитрию и Кореле посланников, дабы рассудить вместе с ними, как сие привести в исполнение.

Басманов оправдывал себя, говоря, что его поступок не измена, ибо он принесет отечеству не несчастье, а гораздо больше счастья, и, наконец, приводил в свое оправдание великую тиранию Бориса, искоренение древних родов, также бедствия, бывшие во время правления Годунова. Говорил, что Царь Борис незаконно овладел престолом и был жив законный наследник, ныне открывшийся по благодати всемогущего провидения. Убеждал своих сторонников, что он будет служить тому, кто пришел законно, одним словом, он повел дело так искусно, что потом ни одна сторона не знала, как происходила измена.

Басманов Голицын и Розен решили перевести своё 60 000 войско через Оку по мосту на обширную равнину. Иван Годунов командующий другой 90 000 ратью и стоящий на дру-

гой стороне крепости Кромы спрашивал у командиров для чего они переходят Оку. Басманов и Палицын размахивая письмом кричали громким голосом.

Из Г. Паерле речь Басманова: *«Воины извещаем вас, что эта грамота прислана сыном великого князя Ивана Васильевича, Дмитрием Ивановичем, которого хотел погубить Борис. Небесное Проведение спасло его. Мы признаём его ныне законным государем и наследником великого княжества Всероссийского! Кто хочет покориться ему, да перейдёт на эту сторону, а кто не хочет, тот пусть останется изменником. подобно Борису и клеветом его».*

Иссак Масса так описывал то что происходило под Кромами:

Воин в войлочном шлеме. Художник А. Чертков из труда А.В.Висковатова «Историческое описание одежды и вооружения российских войск».

«Басманов, согласившись обо всем с Дмитрием, назначил день 7 мая 1605года по старому стилю, кромляне должны были в тот день быть настороже, а также готовыми напасть, и Басманов должен был рано утром повелеть схватить в палатках и перевязать всех полковников и капитанов и провозгласить: да хранит Бог Дмитрия, царя всея Руси! Каким бы диковинным и невероятным ни казался этот план, однако ж был осуществлен, ибо на то, очевидно, было божье соизволение, и Басманов имел верные известия, что большая часть войска была на стороне Дмитрия, а не на стороне Москвы, и казалось, что схватиться могли со дня на день, так что до назначенного дня все время держали наготове воинов на нескольких постах, но в этот день как раз не соблюли этого».

Попробую немного оппонировать Массе, он был простой голландский торговец и черпал сведения уже после всех событий и записывал с рассказов людей, вернувшихся в Москву. Сам Лжедмитрий после ранения и большого стресса, когда у него меч из руки еле забрали, сидел в Путивле это более 100 километров от Кром и не оказывал никакого влияния и руководства над разрозненным войском. В Кромах всем командовал Корела и вёл тайные переговоры с Петром Басмановым, а мы знаем, как мог переубедить кого угодно Андрей. Моё предположение подтверждает Н.М.Карамзин говоря: *«Нарушив клятву, войско с знаками живейшего усердия обязалось другою: изменив Феодору, быть верным мнимому Дмитрию, и дало знать Атаману Кореле, что они служат одному Государю».*

Продолжаю цитировать Массу: *«7 мая около четырех часов утра кромляне, а также те, что были изменниками в московском войске, во главе со своим предводителем Басмановым были настороже; и тотчас примчался из лагеря на вороном коне всадник почти*

к самому кромскому валу, и то было сигналом, и тотчас **кромляне**, подобно быстрому вихрю, напустились со всех сторон на лагерь, так что ни часовые, ни кто другой не успели единого слова вымолвить, а меж тем в лагере перевязали по рукам и ногам всех начальников и отправили их с димитриевцами в Кромь, а те, что были в московском войске, подождли со всех концов собственный лагерь. Московиты, не знавшие об этом умысле, приведены были в такой великий страх, что некоторые побросали оружие, другие одежду и так быстро рассыпались в разные стороны, что на это нельзя было взирать без удивления.

Бомбардир. Старинная гравюра. Неизвестный художник.

Слова Массы подтверждают, что **атаман Андрей Корела** сам придумал бескровный план атаки и согласовал его с Басмановым. Обе стороны так и не пустили в ход оружие. Казаки Корелы *«напали на тех воинских людей, у которых была артиллерия и которые размещались по левую сторону от крепости, ибо там были самые ярые противники»*. **Атаман Корела** отдал приказ **не применять оружие** *«плещи даша и побегоша»* а Донские Казаки плётками разгоняли московское войско *«гоняше их, сетчи же их щадяху, в сечи же и убиства место плетми бьюще их»*.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.